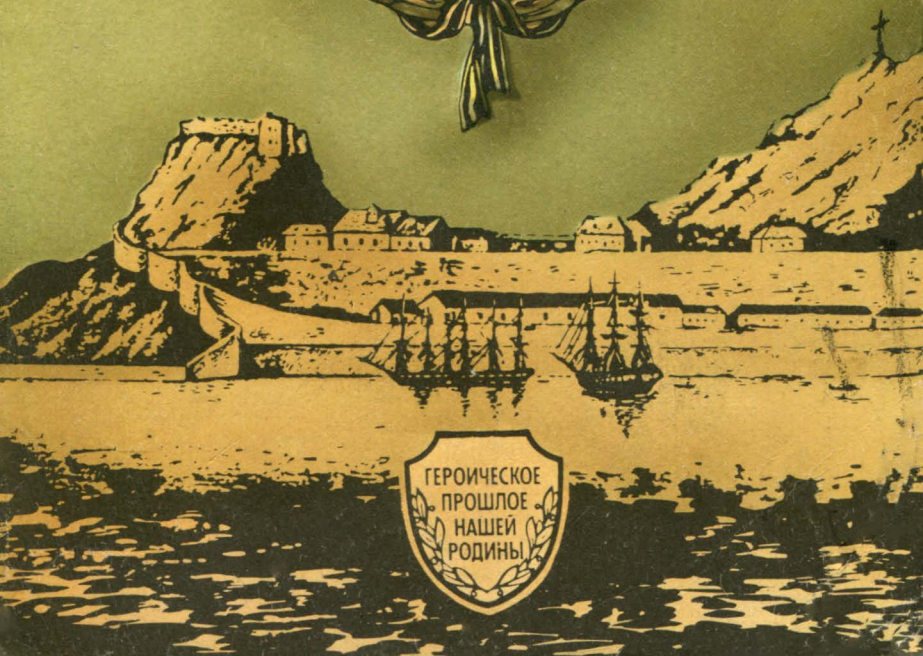

П. Е. Гармаш

ШТУРМ
КОРФУ

П.Е. Гармаш

ШТУРМ
КОРФУ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

ББК 63.3(2)46

Г20

Рецензент доктор исторических наук полковник в отставке
Б. И. Зверев

Редактор *М. И. Хаметов*

Гармаш П. Е.

Г20 Штурм Корфу. — М.: Воениздат, 1990. — 108 с.:
4 л. ил. — (Героическое прошлое нашей Родины).

ISBN 5—203—00697—0

Военно-исторический очерк о славной победе русского флота — освобождении Черноморской эскадры под командованием выдающегося российского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова острова Корфу и других Ионических островов во время ее Средиземноморского похода 1798—1800 годов.

Г $\frac{1305020000-078}{068(02)-90}$ 34—90

ББК 63.3(2)46

ISBN 5—203—00697—0

© П. Е. Гармаш, 1990

Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!

А. В. Суворов.

«ЭСКАДРЕ БЫТЬ ПОД ПАРУСАМИ!»

Подгоняемые свежим ветром, спешат и спешат, вздымаясь и опрокидываясь, крутые темно-серые волны. Сбросив белые пенистые гребни, они поднимаются снова и снова, продолжают свой бег. Черноморская эскадра — тяжелые линейные корабли, ходкие парусные фрегаты и другие суда — шла походным порядком, держа курс на Севастополь. Позади остались три месяца плавания, напряженного курсирования в северо-западной части Черного моря, между Севастополем и Одессой.

Впереди шел, то зарываясь в крутую волну, то поднимаясь над беспокойным морским безбрежьем, флагман, 84-пушечный линейный корабль «Святой Павел» — самое крупное и мощное военное судно черноморцев. На его грот-брам-стенге плескался на ветру флаг командующего Черноморским корабельным флотом¹ вице-адмирала Федора Федоровича Ушакова. Сам адмирал по обыкновению находился на шканцах². Был он среднего

---

¹ На Черном море у России был и гребной флот с портом в Одессе.

² Шканцы — часть верхней палубы между грот- и бизань-мачтами, где находились офицеры вахтенной и караульной службы, выстраивался почетный караул при встрече командования и почетных гостей, зачитывались указы, приказы, манифесты, приговоры.

роста, крепко сбитый, с крутыми покатыми плечами; крупное, огрубленное морскими ветрами и солнцем лицо выражало твердость воли, решительность. Время от времени, поднимая к глазу подозрную трубу, адмирал наблюдал за кораблями, изредка отдавая короткие приказания, которые тут же передавались на суда условными сигналами.

Шло лето 1798 года. С тех пор, как в 1790 году вице-адмирал Ф. Ф. Ушаков был назначен командующим корабельным флотом, эскадра регулярно с наступлением весны оставляла севастопольские бухты.

Место для истинного моряка — море, любил повторять Ушаков. Для него самого оно давно стало родной стихией, хотя родился он вовсе не в морской семье и далеко от моря.

Федор Федорович был всецело предан флоту. Имея основательную теоретическую подготовку, он прошел хорошую школу военно-морской службы на Азовской флотилии во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов, а затем на Балтийском флоте. Довелось ему участвовать и в экспедиции на Средиземное море. На Черноморский флот пришел в 1787 году, будучи уже зрелым морским офицером. Именно здесь, на Черном море, во всей полноте раскрылся его организаторский и флотоводческий талант, здесь проявил он себя как выдающийся новатор в военно-морском искусстве.

Особую заботу Ушаков проявлял о боевой подготовке экипажей кораблей, об их морской закалке. За годы своей флотской службы он убедился, что именно в морских походах приходит боевая зрелость к «служителям», как тогда называли матросов, и к их командирам — офицерам. И в каждом плавании на эскадре проводились артиллерийские и парусные учения, отрабатывались тактические приемы.

Для такого внимания к высокой выучке экипажей была и особая причина. Турция, проводившая агрессив-

ную политику против России, имела более сильный флот, ее корабли, строившиеся французскими и английскими инженерами, обшивались медью, вооружались медными пушками. На ходу они были более легкими, чем русские, нередко построенные наспех, из сырого, невыстоявшегося леса, обшитые досками, отчего корпус быстро обрастал ракушками. Да и по числу судов и пушек турки во всех морских сражениях, происходивших на Черном море, имели значительный перевес. Однако Ушаков считал и не раз доказал на деле, что и такого сильного противника можно побеждать, если применять новую, маневренную тактику ведения боя, превосходить его в быстроте и четкости выполнения маневра, в управлении парусами, в скорости и меткости ведения прицельной стрельбы. А все это приходит в длительных учебных плаваниях, в упорном ратном труде...

На этот раз, весной 1798 года, адмиралу пришлось раньше обычного вывести эскадру в море. Еще зимой, в феврале, император России Павел I, вступивший на престол два года назад после смерти Екатерины II, предписал ему привести в боевую готовность Черноморский флот на случай, если Турция, противившаяся утверждению России на юге, развяжет новую войну. Оттоманскую Порту³ не покидала надежда вернуть некогда захваченные ею земли Северного Причерноморья и потерянные затем в результате войн с сильным северным соседом.

Впрочем, дело было не только и даже не столько в самой Турции. Серьезные опасения России вызывали прежде всего действия Директории Франции, которая в своих захватнических целях устремлялась все дальше на восток Средиземноморья и могла, используя султанскую Турцию, проникнуть в Черное море.

---

³ Порты (Оттоманская Порты, Блистательная Порты, Высокая Порты) — так в средние века и в новое время называлось правительство Османской империи.

Было еще одно обстоятельство, толкавшее Павла I к выступлению против Франции. Он считал Директорию такой же ненавистной ему революционной «гидрой», как и Конвент, и видел свою священную обязанность бороться против нее.

Россия готовилась к войне. В апреле Ушаков получил приказ, в котором император повелевал «выйти в море и занять крейсерством от Севастополя до Одессы, прикрывая все берега свои, буде французская эскадра покусилась бы войти в Черное море». Вслед за тем последовало еще распоряжение: в случае появления французской эскадры, «немедленно сыскав оную, дать решительное сражение»⁴.

Европа с напряжением и опаской следила за событиями, происходившими во Франции.

Великая французская революция 1789 года, ее Конвент, покончившие с изжившей себя феодально-абсолютистской монархией и учредившие затем республику, были враждебно встречены монархическими государствами Европы, в том числе и русским самодержавием. Еще при Екатерине II был заключен русско-английский военный союз, направленный на объединение реакционных сил Европы против французской революции, которая не только освободила французов от власти короля и помещиков, но и нанесла удар по всему феодальному миру. Французская армия, на штыках которой сверкали отблески недавней революции, разгромила вторгшиеся во Францию войска Пруссии, Австрии и некоторых других монархических государств, а затем сама перешла границы и стала одерживать новые победы, освобождая народы от засилья королей и дворян и устанавливая в этих странах республиканское правление.

Однако после того, как в июле 1794 года крупная буржуазия совершила термидорианский переворот и об-

---

⁴ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. М., 1952. Т. 2. С. 21, 42.

развала Директорию, что положило конец Великой французской революции, Франция из страны-освободительницы народов постепенно превратилась в страну-завоевательницу. Она присоединила к себе Бельгию, часть Голландии, Рейнские земли, некоторые другие области.

В 1796 году основные военные действия развернулись в Италии, где французская Южная армия под командованием молодого генерала Наполеона Бонапарта одерживала одну победу за другой.

В ходе войны во Франции стремительно росли новые талантливые полководцы. Наполеон Бонапарт — один из них. Скромный капитан республиканской армии, выходец из семьи небогатого корсиканского адвоката, он, после того как в декабре 1793 года отличился при освобождении Тулона от монархистов и англичан, якобинским правительством был произведен в бригадные генералы. А через два года, уже при Директории, новоиспеченный военачальник, подавив мятеж монархистов в Париже, получил назначение командующим Южной армией.

В апреле 1796 года французские войска под его командованием преодолели Альпы и вступили в Северную Италию.

Всего несколько дней понадобилось Бонапарту, чтобы покончить с Пьемонтом (Сардинское королевство) и принудить его к подписанию выгодного для Франции мира, а затем в нескольких сражениях он сокрушает австрийскую армию, служившую оплотом реакции на Апеннинском полуострове.

Южная армия отличалась высокой маневренностью. Она не имела громоздких обозов — снабжение ее Бонапарт возложил на жителей покоренных городов и сел. Собирая свои войска в кулак, Наполеон наносил по противнику стремительные удары и добивался ярких побед над отнюдь не бездарными австрийскими генералами. Император Австрии Франц вынужден был запросить пе-

ремирия, а 7 октября 1797 года⁵ Бонапарт продиктовал ему условия мирного договора, которым, в частности, предусматривалось и разделение Венецианской республики, оккупированной французскими войсками.

На Апеннинском полуострове было создано несколько зависимых от Франции республик: Цизальпинская, Лигурийская, Римская и Партенопейская. К началу 1799 года вся Италия, за исключением Неаполитанского королевства (Королевство обеих Сицилий) и острова Сардиния, находилась под властью Франции. В вассальную республику, названную Гельветической, была превращена и Швейцария.

Италия, раздробленная на мелкие государства, с XVI века находилась под гнетом иноземных завоевателей. Вторжение французских войск вызвало усиление национального самосознания итальянского населения, стремившегося к объединению своей страны, способствовало активизации антифеодального движения. Однако Франция, ранее обещавшая братство и свободу народам Европы, социальные реформы, укрепление национальной независимости, теперь вела себя вовсе не как освободительница. Захваченные города и села облагались контрибуцией; французы грабили население, забирая все ценное. Из музеев и сокровищниц старых церквей и монастырей отправлялись в Париж картины, статуи, драгоценности. Надежды и радость жителей покоренных земель сменялись разочарованием, а затем и ненавистью к завоевателям.

Когда была создана французская империя, с порабощением целого ряда европейских государств, «тогда из национальных французских войн, — отмечал В. И. Ленин, — получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»⁶.

⁵ Даты в книге приводятся по старому стилю.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 5—6.

Разгромив Пьемонт и Австрию и прибрав к своим рукам итальянские государства, Франция свои дальнейшие устремления направила на Восточное Средиземноморье. В июне 1797 года она оккупировала, а затем и присоединила к себе Ионические острова и полосу западнобалканского побережья, на которой располагались бывшие владения Венеции на материке — города Паргу, Превеза, Вонича и Бутринт с их округами.

Появление французских войск на западном побережье Балкан, вблизи от проливов, ведущих в Черное море, вызвало в России беспокойство и противодействие. В начале 1798 года в Петербург стали поступать сведения о том, что французы в Тулоне и других своих южных портах сосредоточивают большой флот и десантные войска. Куда направит свой очередной удар Директория? В Петербурге опасались, что он может быть нацелен на русское Причерноморье. При этом не исключалось, что окажется втянутой в войну и Турция, которую Франция поддерживала многие годы в ее борьбе на Черном море и теперь постарается превратить в своего вассала.

Эти опасения были небеспочвенны: в период обострений франко-русских отношений во французских кругах не раз обсуждалась мысль организовать совместно с Турцией экспедицию в Черное море для уничтожения там русских портов⁷.

19 мая 1798 года армада французских транспортных судов более чем из трехсот вымпелов в сопровождении военной эскадры в составе 13 линейных кораблей и 4 фрегатов взяла курс к берегам Египта. Возглавлял ее находившийся на флагманском корабле «Восток» генерал Наполеон Бонапарт. Захватив по пути остров Мальту, он 2 июля подошел к Александрии и, высадив свою 32-тысячную экспедиционную армию в заливе Мурабу,

---

⁷ См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798—1800 гг. М., 1983. С. 72—73.

двинулся в глубь страны. Французы легко захватили Египет, а затем и Сирию, входившие в Османскую империю в качестве провинций.

Тем временем английский флот под командованием контр-адмирала Горацио Нельсона бороздил Средиземное море в поисках исчезнувшего противника. Лишь месяц спустя ему удалось обнаружить неприятельскую эскадру, расположившуюся в Абукирском заливе, неподалеку от Александрии. Воспользовавшись беспечностью французов (они даже не выставили морской дозор, а значительная часть команд находилась на берегу), англичане 1 августа предприняли внезапную атаку. Часть кораблей зашла со стороны берега, остальные устремились с моря. Эта тактика не была новой: впервые ее применил адмирал Ушаков в сражении с турецким флотом у мыса Калиакрия семь лет назад, в 1791 году.

Французский флот, вынужденный принять бой на якорю, был разгромлен: только четырем кораблям удалось благополучно уйти. Эта победа Нельсона предопределила судьбу египетской экспедиции Бонапарта и вместе с тем прославила английского адмирала.

КУРС НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Завершив очередной поход к Одессе, эскадра 4 августа 1798 года возвратилась на Севастопольский рейд для пополнения запасов воды и провианта.

Всего пятнадцать лет назад корабли Азовской флотилии вице-адмирала Ф. А. Клокачева, впервые бросив якоря в Ахтиарской (Севастопольской) бухте, положили начало созданию российского Черноморского флота. Их экипажи приступили к обживанию пустынных берегов. Когда два года спустя капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков привел в Севастополь построенный им в Херсоне линейный корабль «Св. Павел», будущий город лишь обозначался несколькими строениями. Своему дальнейшему развитию Севастополь обязан ему, будущему флотоводцу.

Возглавив в 1789 году Севастопольскую эскадру, порт, а вскоре и весь Черноморский флот, Ушаков со свойственной ему энергией и одержимостью занимался строительством и укреплением Севастополя. Под его руководством были возведены береговые укрепления, казармы, госпиталь, расширено адмиралтейство, завершилось строительство портовых сооружений, мастерских и складов.

На западной стороне Южной бухты расположился

город. Вдоль берега протянулась главная улица, где выросли красивые каменные дома командиров кораблей и городской знати. За ней, на городском холме, возникла слободка из небольших белых мазанок. Здесь селились мастеровые люди, а также женатые матросы. Слободки выросли также на берегу Артиллерийской и на восточной стороне Корабельной бухт...

Когда перед эскадрой открылась панорама Севастополя, Ушаков с гордостью отметил про себя, что город все более разрастается, хорошеет...

Ранним утром следующего дня, 5 августа, перед Ушаковым предстал нарочный курьер из Санкт-Петербурга.

— С высочайшим повелением его императорского величества! — четко доложил он, передавая пакет.

Ушаков сорвал сургуч с конверта, вынул письмо. Оно было датировано 25 июля.

«По получении сего, — предписывал Павел I, — имете вы со вверенной в команду вашу эскадрой немедленно отправиться в крейсерство около Дарданеллей... Буде от министра нашего получите уведомление о требовании от Блистательной Порты вашей помощи, то имете тотчас следовать и содействовать с турецким флотом противу французов, хотя бы то и далее Константинополя⁸ случилось...»⁹

Предписание немало смутило адмирала. Сколько раз приходилось ему вести сражения с турецким флотом и нещадно громить его! А теперь вот предстоит «содействовать» с ним. Из неприятелей — да в союзники! Поистине неисповедимы пути господни...

Но обсуждать не приходится — на другой же день Ушаков отправил курьера обратно в Петербург с доне-

---

⁸ Бывшая столица Византии, захваченная в 1453 году турками и переименованная в Стамбул. В европейских же странах придерживались прежнего названия.

⁹ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 42.

сознаем о том, что приступает к незамедлительному исполнению высочайшего повеления.

Поход предстоял дальний и трудный. Экипажи готовили свои корабли тщательнее обычного, с особым старанием. До выхода оставалась всего неделя, поэтому все работы велись одновременно. Команды устраняли повреждения, полученные в недавнем походе, — конопатили бортовую обшивку, меняли порванные ветром паруса и перетертые снасти, а также запасались пресной водой, продовольствием, дровами, материалами на случай ремонта судов.

12 августа 1798 года эскадра вышла из Севастопольской бухты на внешний рейд, а спустя два дня взяла курс на Константинополь (Стамбул).

Головным шел флагманский корабль «Св. Павел», унаследовавший это имя от построенного Ушаковым судна, уже отслужившего свой недолгий срок. Он был покрупнее и помощнее прежнего, на его трех деках¹⁰ было установлено 84 орудия, причем на первом, нижнем, — 36-фунтовые, самые крупные. Да и весь Черноморский флот набрал силу и в свою короткую биографию уже вписал не одну громкую победу благодаря флотоводческому таланту вице-адмирала Ушакова и высокой выучке и героизму моряков.

В трех походных колоннах следовали линейные корабли «Св. Павел», «Св. Петр», «Захарий и Елизавета», «Богоявление Господне», «Св. Троица», «Мария Магдалина», семь фрегатов и несколько мелких судов¹¹. Еще два линейных корабля, постройка которых завершалась, должны были присоединиться к эскадре позднее. В Севастополе оставалась резервная эскадра из устаревших

---

¹⁰ Деки — так на парусных военных кораблях назывались палубы, на которых устанавливалась артиллерия; по их количеству (кроме верхней палубы) корабли разделялись на двух- и трехдечные.

¹¹ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 112.

судов, предназначалась она для обороны крымских берегов, а при необходимости — для усиления отбывавшей эскадры.

Уходившими кораблями командовали опытные и храбрые офицеры, в большинстве ученики и соратники Ушакова, не раз участвовавшие в морских сражениях: Д. Н. Сенявин, будущий выдающийся флотоводец, И. А. Шостак, И. А. Селивачев, А. П. Алексано, Е. Сарандинаки, И. О. Салтанов и другие. Личный состав эскадры насчитывал 7406 человек, в том числе 1700 солдат «черноморских адмиралтейских батальонов». На ее вооружении было 792 орудия¹².

Вначале погода благоприятствовала плаванию: дул умеренный норд-вест и суда были на ветре. Однако вскоре разыгрался не на шутку шторм. Разбросав корабли, он нарушил походный строй. Когда эскадра перед Босфором (в то время назывался Дарданеллами Константинопольского пролива) вновь собралась, оказалось, что некоторые суда получили серьезные повреждения. Большинство из них устранили силами имевшихся в составе команд плотников и других мастеровых матросов. «Св. Троицу» и акат «Св. Ирина» Ушаков вернул в Севастополь с предписанием после ремонта немедленно следовать к эскадре в Константинополь.

Договор о дружбе и союзе с Турцией в совместной борьбе против Франции еще не был подписан, это произойдет чуть позже, 23 декабря. Поэтому адмирал послал легкое судно — авиз «Панагия» с письмом к русскому посланнику в Константинополе В. С. Томаре, чтобы узнать, достигнуто ли соглашение о беспрепятственном проходе эскадры через пролив.

Ожидать у Босфора ответа Ушакову пришлось недолго. 24 августа русская эскадра впервые вошла в пролив. Моряки с интересом смотрели на проплывавшие вдоль

---

¹² См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. М., 1976. С. 64.

бортов диковинные селения с низенькими домами, облепившими зеленые холмы, тонкими минаретами многочисленных мечетей, возвышавшимися над строениями, словно раззолоченные свечи.

Знаменитую ушаковскую эскадру, своими победами доставившую туркам столько огорчений, встречали на всем пути по проливу с огромным интересом. Толпы людей, заполнившие оба берега, европейский и азиатский, бурно приветствовали российских моряков, с любопытством смотрели на русские корабли. Даже сам султан Селим III не смог преодолеть этого чувства. Одевшись в простую одежду, он обошел бросившую якоря эскадру на своем кайке, внимательно рассматривая русские суда и любуясь царившим на них образцовым порядком.

Едва корабли спустили паруса, как на борт «Св. Павла» поднялся Василий Степанович Томара. Русский посланник при султанском дворе был обрусевшим греком, довольно образованным человеком. Он прилагал немалые усилия для сближения Турции и России. Дипломат был очень рад встрече с посланцами своей страны. Поздравив Ушакова с благополучным прибытием, он подробно проинформировал его о международной обстановке в районе Средиземноморья, поставил в известность о высадке экспедиционной армии Наполеона в Египте, о захвате французами Мальты, о победе Нельсона при Абукире. Затем посланник рассказал о положении в Турции, о ее сильной обеспокоенности последними событиями на Средиземноморье, особенно проникновением французов на западное побережье Балкан и захватом Египта, о большой надежде Порты на русскую помощь.

— Прежде всего на помощь вашей эскадры, Федор Федорович, — заключил Томара.

Вскоре после его убытия к Ушакову явился кехая — придворный чиновник, подчеркнуто учтивый, в красной чадме, дорогой одежде. Низко поклонившись, он передал

поздравление великого визиря¹³ с благополучным прибытием; его пышную речь, сотканную из возвышенных слов, переводил адмиралу лейтенант Е. П. Метакса. Прибыл кехая не с пустыми руками; с целым караваном фелюг—гребных судов, наполненных свежими овощами, фруктами и живыми овцами, предназначенными для команд судов. Адмиральская каюта уставилась корзинами ярких цветов.

На следующий день султан прислал к Ушакову первого драгомана¹⁴ с драгоценным подарком «за скорый приход» — табакеркой, усыпанной бриллиантами, а для раздачи командам судов — две тысячи червонцев.

Такие вот бывают в истории превратности. Стамбул с радостью встречал своего самого страшного в недавнем прошлом неприятеля — Ушак-пашу, при одном упоминании имени которого еще недавно турок бросало в дрожь.

И было отчего.

Именно с ним, Ушаковым, были связаны все поражения турецкого флота на Черном море, начиная с первого крупного морского сражения, происшедшего в июле 1788 года у острова Фидониси. Командуя авангардом, Ушаков обогнул с наветренной стороны голову турецкой эскадры с флагманским кораблем адмирала Гассан-паши и решительно пошел на сближение. Его атака одновремен-

---

¹³ Визирь — в мусульманских странах титул министров и высших сановников; великий визирь — глава правительства султанской Турции. Метакса Егор Павлович, грек по национальности, получил образование в России. В 1790 году окончил Морской корпус и мичманом был назначен на Черноморский флот. Участвовал под началом Ушакова в войне с Турцией. Свободно говорил по-гречески, по-русски, по-турецки, владел также французским и английским языками. Автор своеобразной летописи средиземноморского похода черноморской эскадры — «Записок флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы».

¹⁴ Драгоман — переводчик; первый драгоман — переводчик при султане,

но с обеих сторон поставила неприятеля «в два огня».

Этот неожиданный для турок маневр определил плачевный для них исход баталии.

И в последующих сражениях Ушаков добивался блестящих побед. И побеждал он, отказываясь от господствовавшей в то время во всех флотах линейной тактики морского боя. По канонам этой тактики эскадре надлежало атаковать сразу всю линию противника, при этом она должна была строго соблюдать свой строй, а каждый корабль мог сосредоточивать огонь только на определенном судне противника.

Памятуя о наказе Петра I, основоположника флота российского, «не держаться правил, яко слепой стены, ибо там порядки писаны, а времен и случаев нет», Ушаков применял каждый раз новую, в зависимости от обстановки, тактику, маневренную, основанную на сочетании маневра и огня. Он разрезал линию неприятельской эскадры на несколько частей и, сосредоточив основные силы для нанесения главного удара, с расстояния картечного выстрела обрушивал на противника огонь всех корабельных орудий, нацеливаясь прежде всего на флагманский корабль. Лишившись флагмана, турки обычно приходили в замешательство, впадали в панику, их уцелевшие суда стремились спастись бегством.

Летом 1790 года Ф. Ф. Ушаков, незадолго до этого возглавивший Черноморский флот, одержал новую замечательную победу. В пятичасовом бою в Керченском проливе, куда подошла турецкая эскадра, чтобы высадить десант, он сорвал нападение противника и нанес ему серьезное поражение. Турки бежали, потеряв флагманский корабль.

В августе того же года флотоводец одержал еще одну победу, на этот раз у Тендры, недалеко от Хаджибея — в районе будущей Одессы. Ушаков с ходу, в походном порядке атаковал турецкий флот и разгромил его. Ко-

рабль капудан-паши (главнокомандующего) Гуссейна, объятый пламенем, взлетел на воздух, а другой — 66-пушечный «Мелеки-Бахри» и несколько мелких судов были взяты в плен.

31 июля 1791 года в морском сражении у мыса Калиакрия, что на западном побережье Черного моря, турки потерпели еще более крупное поражение. Применив стремительный маневр, Ушаков прошел между неприятельскими кораблями, стоявшими на якоре, и берегом. Отрезав тем самым эти суда от береговых батарей, адмирал решительно атаковал их¹⁵.

Из огромного флота, собранного Селимом III не только в Турции, но и в подвластных ей Алжире и Тунисе, последней надежды султана в войне после разгрома его армий, в Константинополь возвратилось лишь несколько сильно потрепанных судов. В их числе был и адмиральский корабль Саида Али (Сейита Али), того самого «отважного и непобедимого» алжирского паши, который, отправляясь в поход, поклялся падишаху «захватить грозного Ушак-пашу и привезти его в клетке в Стамбул». И вот так невообразимо оскандалился: побитый адмирал сам еле добрался до столицы, его полузатопленный корабль дополз до бухты, казалось, лишь для того, чтобы тут же, по прибытии, на глазах удивленных турок пойти ко дну. Константинополь в панической страхе ждал появления русского флота. Лишь известие о перемирии, заключенном по просьбе Порты в Галаце, принесло туркам успокоение.

Полный разгром Ф. Ф. Ушаковым турецкого флота у мыса Калиакрия вслед за успехами войск А. В. Суворова поставил победную точку в четырехлетней русско-турецкой войне 1787—1791 годов, заставил турецких

---

¹⁵ Именно этот тактический маневр повторил семь лет спустя Нельсон в сражении при Абукире.

дипломатов быть более уступчивыми на переговорах и ускорил подписание выгодного России Ясского мирного договора.

И вот теперь грозная опасность, надвигавшаяся с запада, заставляла недавних противников объединить свои усилия для совместной борьбы против французской экспансии. При этом именно Ушакову, прославленному русскому флотоводцу, поручалось огромной важности военное, дипломатическое и политическое предприятие, каким должен был стать предстоящий Средиземноморский поход.

Спустя три дня после прихода эскадры в Константинополь состоялось совещание представителей России, Турции и Англии, на котором был разработан план совместных действий. В ее работе приняли участие Ушаков и Томара.

В турецкой столице уже было известно о высадке Бонапарта в Александрии. Это обстоятельство заставило султана быть более решительным в выступлении против Франции и заключении союза с Россией.

Для совместного похода в Средиземное море Турция выделила эскадру во главе с адмиралом Кадыр-беем в составе четырех линейных кораблей, шести фрегатов, четырех корветов и четырнадцати канонерских лодок¹⁶. Она поступила под общее командование вице-адмирала Ф. Ф. Ушакова. Турки обязались снабжать объединенную эскадру продовольствием, а в случае необходимости — и материалами для ремонта судов, а также предоставлять войска для десантных действий. Специально выделенный чиновник по вопросам снабжения — Каймакан Калфоглу получил соответствующие фирманы (именные указы султана), предписывавшие вассальным правителям Морей и Албании доставлять на корабли необходимый провиант.

---

¹⁶ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 113.

Директивы, полученные из Петербурга, обязывали Ушакова действовать в районах Египта, Канди (остров Крит), Мореи¹⁷, Венецианского залива, а при необходимости — оказывать содействие находившейся в Средиземноморье английской эскадре. Исходя из этого и были намечены планы готовившейся экспедиции. По предложению Ушакова было решено основные силы соединенной русско-турецкой эскадры направить к островам Ионического архипелага, чтобы освободить их и предупредить высадку французских войск на Балканский полуостров, во владения Османской империи. Адмирал четко представлял себе важнейшее стратегическое значение Ионических островов, опираясь на которые можно было развертывать дальнейшие действия соединенного флота.

Английский же представитель, поверенный в делах Великобритании в Турции Спенсер Смит, исходя из узких интересов Англии, настойчиво предлагал основные силы эскадры направить к побережью Египта, под начало британского командующего. Ушаков решительно возразил против этого. Было принято его предложение послать в помощь англичанам небольшой отряд русских и турецких судов.

После совещания турки, принимавшие Ушакова с уважением и учтивостью, предложили ему осмотреть свои корабли, готовившиеся к походу, а также адмиралтейство и строившийся док. Своим видом военные суда произвели на адмирала и сопровождавших его русских офицеров хорошее впечатление. Многие из них были построены под наблюдением французских и английских корабельных мастеров с использованием добротных материалов. А вот организация, порядок на кораблях и особенно боевая выучка экипажей не вызывали восторга.

Вернувшись с совещания, адмирал Ушаков отпра-

---

¹⁷ Морея — средневековое название греческого полуострова Пелопоннеса.

вил в Севастополь посыльное судно с донесением для императора о результатах переговоров и намеченном плане совместных с турками действий. Он также изложил настойчивую просьбу прислать десантные войска, подчеркнув, что без них невозможно будет овладеть сильными укреплениями острова Корфу. О состоянии турецкой эскадры адмирал пока умолчал, хотя оно вызывало у него немалое беспокойство.

Лейтенант Егор Метакса, постоянно сопровождавший командующего в качестве переводчика, в своих «Записках...» пишет о низкой дисциплине и слабой боевой подготовке моряков союзных судов. Постоянного экипажа турецкий корабль не имел, за исключением командира, нескольких офицеров, лоцманов и мастеровых-греков. Остальная часть команды набиралась перед каждым походом, чаще всего насильственным путем, использовались и невольники. Люди эти сплошь и рядом не были обучены морскому делу, да и тяготились им. А тяжелые условия службы, полуголодное существование, болезни и отсутствие медицинской помощи и вовсе ввергали их в отчаяние. И при первой же возможности матросы убегали с корабля, хотя жалованье могли получить лишь после похода. Нередко экипажи возвращались в порт в половинном составе. Офицеры тоже не имели необходимой подготовки, не располагали картами и приборами. На всей эскадре компас имелся лишь на адмиральском корабле¹⁸.

31 августа, находясь еще в Босфоре, на рейде Буюкдере, вице-адмирал Ушаков направил письмо контр-адмиралу Нельсону. Поздравив его с победой у Абукира, Федор Федорович изложил план предстоящих действий русско-турецкой эскадры и заверил, что при необходимости готов оказать английскому флоту помощь. Это послание

---

¹⁸ См.: Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. Пг. 1915. С. 17—18.

положило начало переписке двух выдающихся флотоводцев, продолжавшейся до окончания Средиземноморской экспедиции Ушакова.

Выход эскадры был назначен на 4 сентября. Но его пришлось отложить. В тот день на рассвете небо заволочили низкие тяжелые тучи. Ветер с каждым часом набирал силу, и вскоре все вокруг потонуло в бешеном реве бури, шуме волн, грохоте грома. Наступившую темноту пронизывали изломанные стрелы ослепительных молний. Суда метались, словно испуганные кони на привязи. На линейном корабле «Св. Троица», вернувшемся два дня назад из Севастополя, не выдержали якорные канаты, и его стало дрейфовать к берегу. Затем то же случилось с фрегатом «Казанская Богородица». Ночью ударили молнии, были повреждены мачты на фрегатах «Григорий Великия Армении» и «Сшествие св. Духа».

А стихия все бушевала, и, казалось, буйству непогоды не будет конца. Три дня свирепствовал шторм. Лишь к утру 8 сентября ветер стал постепенно утихать, и Ушаков, не дожидаясь, пока он прекратится вовсе, распорядился сниматься с якоря и вступать под паруса.

Обмениваясь приветственными салютами с крепостями, эскадра направилась в Дарданеллы. Однако на выходе из пролива, у европейского берега ей пришлось задержаться снова: выделенные для участия в походе турецкие суда оказались еще не готовыми.

11 сентября на русский флагманский корабль впервые прибыл командующий турецкой эскадрой Кадыр-бей, вместе с которым Ушакову предстояло действовать длительное время. Перед Федором Федоровичем стоял огромный и крепкий человек в форме турецкого капитан-боя (полного адмирала). Вел себя он с первых минут знакомства учтиво, постоянно выказывая свое почтение русскому адмиралу. Таким он оставался весь период похода. И не только потому, что по повелению султана ему надлежало во всем подчиняться российскому командую-

щему, но и из чувства личного уважения к непобедимому Ушак-паше, которого он высоко ценил и готов был признать своим учителем.

Первым начал плавание отряд, направлявшийся в помощь англичанам к египетским берегам. В его составе было десять турецких канлодок и четыре фрегата, в том числе два русских — «Св. Михаил» и «Казанская Богородица» (турецкие суда не имели названий, обычно их различали по имени командиров). Возглавлял отряд командир «Михаила» капитан 2 ранга А. А. Сорокин.

20 сентября 1798 года, дождавшись попутного ветра, покинула Дарданелльский пролив и соединенная эскадра.

НАВСТРЕЧУ СЛАВНОЙ ПОБЕДЕ

Перед русскими моряками распахнуло свои просторы древнее, овеянное легендами Эгейское море. Это было второе появление российской эскадры в Средиземном море, если не считать торговой экспедиции. Первая же военная экспедиция была совершена Балтийской эскадрой под командованием Г. А. Спиридова почти тридцать лет назад, во время русско-турецкой войны 1768—1774 годов. В той войне с турками участвовал и Ушаков: молодой лейтенант, получив в командование военное судно — плоскодонный прам с 44 пушками, прикрывал устье Дона. Главные боевые действия развернулись тогда на Дунае, где основным силам противника противостояли две русские армии.

Чтобы помочь им и ускорить окончание войны, было решено нанести удар с направления, откуда турки менее всего ожидали, — на Средиземном море. Так в начале 1770 года в водах Мореи появилась российская эскадра. Привел ее из Кронштадта вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов, талантливый русский флотоводец. Состояла она из семи линейных кораблей, одного фрегата,

одного бомбардирского корабля, шести малых судов и десанта¹⁹. Известия о появлении русского флота в глупо-боком тылу Османской империи вызвало тревогу у турок и огромную радость у греков, встречавших его салютом из ружей.

Вскоре же эскадра Спиридова развернула активные действия. Высаженные ею десанты вместе с восставшими греками освободили несколько крепостей. Эти действия заметно облегчили положение русских армий в Молдавии и на Балканах. Турецкое правительство было вынуждено часть своих войск перебросить с Дунайского театра в Средиземноморье.

Спустя несколько месяцев с Балтики пришла еще одна эскадра под командованием контр-адмирала Д. Эльфинстона²⁰. Теперь российский флот здесь насчитывал девять линейных кораблей, три фрегата, бомбардирский корабль и до семнадцати вспомогательных судов²¹. Объединенная эскадра получила задачу разгромить турецкий флот и блокировать Дарданелльский пролив со стороны Эгейского моря, чтобы прервать турецкие морские коммуникации к Египту, Сирии, Марокко и Тунису.

Сражение произошло в Хиосском проливе, поблизости от крепости и порта Чесма. Неприятель оказался сильнее, причем значительно, почти вдвое; выстроившись в две параллельные линии, на якорях стояли шестнадцать линейных кораблей, шесть фрегатов и множество более мелких судов; на их вооружении имелось свыше 1400 пушек²². Несмотря на это, русская эскадра 24 июня в

---

¹⁹ См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. С. 37.

²⁰ Всего за время войны в Средиземное море с Балтики было направлено пять российских эскадр; последняя прибыла в 1774 году.

²¹ См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. С. 38.

²² См.: Русские и советские моряки на Средиземном море. С. 39.

11 часов начала атаку. Не выдержав ее дерзкого натиска, потеряв несколько кораблей, турки стали обрубить якорные канаты и устремляться в беспорядке в Чесменскую бухту, под прикрытые береговых батарей.

Блокировав бухту, русский флот готовился к новой атаке. Началась она в ночь на 26 июня. В ходе артиллерийской дуэли загорелся один из турецких линейных кораблей. И тут же к неприятельским судам устремились четыре брандера, начиненные горючими и взрывчатыми веществами. Одному из них, под командованием лейтенанта Д. Ильина, удалось подойти к турецкому кораблю вплотную и поджечь его. Огонь перебрасывался с одного судна на другое. Ночная бухта осветилась огромными пылающими факелами, наполнилась грохотом взрывов, криками тонущих людей. К утру наступил финал сражения: турецкий флот был полностью уничтожен. На плаву оставался лишь один линейный корабль — 60-пушечный «Родос». Он был взят в качестве приза (трофея) и включен в состав эскадры.

В результате Чесменской победы русский флот установил свое полное господство в Эгейском море и блокировал Дарданеллы. Его успешные действия способствовали удачам русских войск и заключению выгодного для России Кучук-Кайнарджийского мирного договора.

А летом 1776 года Ушакову и самому пришлось побывать на Средиземном море. Здесь он в чине капитан-лейтенанта принял командование над «Св. Павлом» — одним из двух фрегатов, остававшихся на Средиземном море после окончания войны с Турцией и возвращения эскадры на Балтику. Эти корабли вместе с четырьмя другими, прибывшими из Кронштадта позднее, были переоборудованы под торговые суда.

Под купеческим флагом и с пушками, упрятыми в трюмах, «Св. Павел» около трех лет совершал торговые рейсы между итальянскими портами и Стамбулом.

Позднее, с мая 1781 по июль 1782 года, Ф. Ф. Уша-

кову снова довелось плавать в Средиземном море, на этот раз в качестве командира линейного корабля «Виктория», эскортировавшего российские торговые суда. И вот теперь, двадцать лет спустя, он шел сюда уже во главе эскадры Черноморского флота. Под полными парусами корабли направлялись в места, овеянные легендами древней Эллады.

Курс эскадры лежал к островам Ионического архипелага. Наиболее крупные из них — Цериго (в древности Чериго, Цитера, Китира), Занте (Закинф), Кефаллония (Цефаллония, Кефаллиния), Св. Мавры (Лефкас, Левкада)²³ — были французами укреплены, имели довольно сильные гарнизоны. По сведениям, которыми располагал Ушаков, самая мощная крепость находилась на Корфу (Керкира, Корцира).

В 1799 году на архипелаге проживало 242 543 человека²⁴. Основу экономики островов составляло сельское хозяйство — садоводство, виноградарство, производство оливкового масла. Его продукция в основном шла на внешний рынок, главным образом в города Южной Италии и Венецианской республики.

Ионические острова издревле были заселены греками и входили в состав Греции. Затем их, как и всю эту древнюю страну, завоевали римляне. После распада Римской империи до XII века они были свободными, а в средние века стали яблоком раздора: за обладание ими вели между собой длительную борьбу Византия, Османская империя, Венеция, Неаполь, пока наконец в XV веке их окончательно не прибрала к своим рукам Венецианская республика.

В 1797 году французские войска, оккупировав Венецианскую республику, высадились на Ионические остро-

---

²³ За длительное время господства на островах Венецианской республики за ними закрепились итальянские названия.

²⁴ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 6.

ва, захватили и принадлежавшие ей порты и крепости на западном побережье Балканского полуострова.

Наполеон придавал Ионическим островам большое стратегическое значение, видя в них основную базу Франции в ее экспансии на востоке Средиземноморья. В своем донесении Директории от 27 августа 1797 года он подчеркивал: «Острова Корфу, Занте и Кефаллония важнее для нас, чем вся Италия...»²⁵

Первым перед объединенными эскадрами открылся остров Цериго, самый южный в архипелаге, находившийся на пересечении морских дорог. Он сравнительно небольшой, его гарнизон составляли всего несколько сот человек, размещался он в двух не очень сильных крепостях: одна, наиболее слабая, располагалась на берегу залива Св. Николая, другая, под названием Капсала, — в нескольких километрах от берега. Острову французы отводили немаловажную роль — наряду с Корфу использовали его в качестве оперативной базы своего флота.

Вице-адмирал Ушаков прекрасно понимал, как важна удача в первом же бою для состояния духа моряков и десантников, для достижения успеха всей предстоящей кампании. Поэтому, планируя овладение островом Цериго, он стремился все тщательно, до деталей, продумать и подготовить.

Проведение этой операции он поручил командиру фрегата «Григорий Великия Армении» капитан-лейтенанту И. А. Шостаку, боевому, инициативному офицеру, отличившемуся еще в 1790 году в составе гребного флота при взятии Измаила. В состав отряда вошли также 32-пушечный фрегат «Счастливый» и посыльное судно «Панагия Апотуменгана» с десантом на борту.

В борьбе с французскими войсками Ушаков рассчитывал на поддержку греческого населения островов, —

---

²⁵ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 6

единоверного, давно питавшего добрые чувства к России, хотел, чтобы оно видело в лице русских моряков своих освободителей. Напугав в своем приказе отряд, он обязывал командира «ласковостью и увещанием» добиться, чтобы местные жители «принудили французов сдать пленными или их истребили бы на острове, к себе французов не допускали бы, а приходящие к острову суда брали бы в плен»²⁶. Адмирал вручил Шостаку свое обращение к населению Цериги, в котором призывал его действовать совместно против неприятеля. В обращении говорилось также о том, что жителям после освобождения острова будет предоставлено право на самоуправление. Капитан-лейтенант получил также письмо к начальнику французского гарнизона с предложением сдать крепость без кровопролития.

28 сентября отряд ушел к Цериги, а эскадра направилась для пополнения запаса воды к острову Хиос, к тому самому, у которого эскадра вице-адмирала Г. А. Спиридова разгромила турецкий флот. Там произошел инцидент, который ярко характеризовал отношение местного греческого населения к туркам. Когда эскадры бросили якоря, командам судов было разрешено сойти на берег. И тут произошло непредвиденное. Увидев на берегу турецких матросов, жители бросились запирают свои дома и лавки. Улицы мигом опустели. Объяснялось это довольно просто: греки хорошо знали турецких моряков, которые обычно, появляясь в каком-нибудь греческом селении, тут же начинали грабить и насильничать. Попытались они заняться разбоем и на этот раз.

Узнав о происшедшем, разгневанный Ушаков направил резкое письмо турецкому командующему, заявив, что если союзник и впредь будет так относиться к местному населению, то эскадрам «лучше плыть порознь, условив-

---

²⁶ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 114.

пись лишь о местах встречи». Кадыр-бей вынужден был принять самые строгие меры. Он объявил на своих кораблях, что в случае жалоб населения будет провинившихся подвергать смертной казни. Это действовало: турки прекратили насилия и грабежи.

Фрегаты Шостака, приблизившись к острову Цериго, открыли с ходу сильный огонь по крепости, стоявшей на берегу залива под трехцветным французским флагом. Бой длился недолго. Это было небольшое, сработанное еще венецианцами сооружение. После нескольких метких залпов французы спустили флаг и устремились к крепости Капсали. Высаженный Шостаком десант, преследуя их, взял пятнадцать солдат в плен.

Вторая крепость стояла на высокой горе с мрачными, обрывистыми склонами. Да и весь остров с его многочисленными безлесыми возвышенностями, дикими утесами выглядел суровым и таинственным. Называвшийся в древности Китирой (Цитерой), он был очень знаменит: по преданию, здесь родилась богиня любви Венера. В то далекое время в городе Цитера был воздвигнут посвященный ей храм.

На острове жили очень трудолюбивые люди. Несмотря на то что земля здесь была неплодородная, они выращивали пшеницу, виноград, производили отличное вино, а собранный ими мед славился на всем Восточном Средиземноморье. Значительный доход им приносила также торговля перепелками, которых во время перелетов из Африки в Европу здесь было неисчислимое количество.

Когда Ушаков возвратился к острову, Капсали еще не была взята. Он решил овладеть ею штурмом. На берег был высажен дополнительный десант. Русской его частью командовал капитан Никонов. Судьба подчиненных всегда волновала адмирала. Отдавая капитану приказ, он не преминул дать наказ:

— Только будьте осмотрительны, чтобы не потерять

людей напрасно, крепость взять с небольшим уроном! Ну, с богом!..

Штурмовые орудия решили установить недалеко от крепости, на возвышенности. Но как туда их доставить? Путь преграждали остроконечные скалы, глубокие овраги, каменные завалы. На первый взгляд казалось, что не преодолеть такие препятствия. Когда доложили об этом Ушакову, он сам сошел на берег и стал руководить передвижением к крепости. Орудия тащили на канатах, ядра, снаряды, прочее снаряжение несли на плечах. Люди с тяжелой ношей, взбираясь по крутым каменистым склонам, разбивали в кровь руки и ноги, выбивались из сил, но дело продвигалось.

30 сентября приготовления были завершены. Недалеко от крепости на небольшой, но довольно высокой возвышенности оборудовали позиции двух батарей. С этой стороны крепость была плохо защищенной. С кораблей доставили специально изготовленные штурмовые лестницы. Однако, прежде чем дать сигнал «Идти на штурм!», по распоряжению Ушакова направили в крепость парламентариев, чтобы еще раз предложить противнику сдать ее «без пролития крови». Французы ответили отказом. Тогда последовал приказ начать штурм.

С рассветом 1 октября батареи, установленные на берегу, открыли огонь. Завязалась артиллерийская перестрелка. Она длилась до полудня. От меткой стрельбы корабельных артиллеристов в крепости возникали серьезные повреждения, росло число убитых и раненых. В 12 часов дня к крепости приблизились штурмовые отряды. Но им не пришлось ринуться на крепостные стены: французы выбросили белые флаги — Капсали сдавалась на милость победителей.

А несколько часов спустя на флагманский корабль прибыл капитан-лейтенант Шостак. Он доставил командующему почетные трофеи — флаги крепости и ключи

от нее. Над Капсали теперь реяли союзные флаги — российский и турецкий.

Ушаков милостиво отнесся к военнопленным французам — отправил их на родину, взяв у них слово, что они больше не будут участвовать в этой войне против России и ее союзников. Гуманное отношение к поверженному неприятелю было характерной чертой русского флота.

Население острова встречало своих освободителей с неопишмым ликованием. Люди бурно выражали свои чувства, радуясь окончанию французской оккупации.

Ненависть к себе французы вызвали довольно скоро. Поначалу островитянам, как и всему населению Ионии, казалось, что войска республиканской Франции несут им свободу. Однако надежда эта не сбылась. Ни национальной независимости, ни политических свобод, ни существенных социальных преобразований они так и не ощутили. Зато притеснениям подвергались на каждом шагу. Даже церкви были превращены в квартиры для пришельцев. Французы установили на островах оккупационный режим, лишив население даже тех прав, которыми оно пользовалось под господством Венецианской республики. Власть на архипелаге они сконцентрировали в руках своего военного управления, хотя учредили и гражданское в виде института комиссаров. Оккупанты ввели непомерные налоги, принудительные займы, следовавшие один за другим, чрезвычайные обложения. Бонапарт слал из Египта на Корфу приказ за приказом, требуя направлять для экспедиционной французской армии продовольствие, вина, строевой лес. Содержание французских гарнизонов на архипелаге тоже было настоящим грабжом. Торговля на островах пришла в упадок.

Все это вызывало у островитян недовольство и ненависть к французам. С появлением в Средиземном море русской эскадры у них возникла реальная надежда на избавление от иноземного гнета.

Сразу же после освобождения Цериго у Ф. Ф. Ушакова появилась новая, не свойственная флотоводцу дипломатическая функция: надо было определить, какое установить на острове административное управление. До Петербурга было далеко, а быстро развивающиеся события вынуждали его действовать безотлагательно. И адмирал принялся за это новое для него дело, причем взялся уверенно, видимо, все обдумав заранее. Первым же своим распоряжением он объявил населению, что на острове вводится самоуправление, что власть на Цериго будет осуществляться лицами «из выборных обществом дворян и из лучших обывателей и граждан, общими голосами признанных способными к управлению народом»²⁷.

Весть о гуманном отношении русских моряков к местному населению быстро, опережая приход эскадры, облетела все прилегающие острова, усиливая повсюду свободлюбивый дух островитян. А весть о благородстве, проявленном к пленным, тоже быстро распространилась среди французских солдат, что способствовало ушаковской эскадре в последующей борьбе с другими неприятельскими гарнизонами.

Главный комиссар Ионических островов Дюбуа, находившийся на Корфу, попытался обманом разуверить греков в прибытии российской эскадры на архипелаг. Для этого была издана специальная прокламация на греческом языке. В ней утверждалось, что в Средиземном море нет русских кораблей, что это коварные турки, стремясь поработить население островов, подняли на части своих кораблей российские флаги.

Однако разсланные Ушаковым воззвания к ионическим грекам и послания Константинопольской патриархии разоблачили провокацию французов.

13 октября объединенная эскадра подошла к острову Занте. Перед ней раскинулся остров удивительной кра-

²⁷ Цит. по: Гарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). М., 1948. С. 52.

соты. По сравнению с мрачным Цериго он словно был покрыт зеленым рупом. С многочисленных холмов сбегали ряды виноградников, всюду бросались в глаза сады, оливковые рощи. Утопал в зелени и одноименный город, раскинувшийся на покатою склесе огромного холма. Жители Занте считались лучшими земледельцами и садоводами на архипелаге, да и рыбаками они были отличными.

Недалеко от города, на вершине довольно крутой горы, возвышались стены и башни крепости, на которой был поднят французский флаг. А на берегу, у самого моря, стояло несколько батарей.

Ушаков верил, что жители острова сохраняют добрую память о русских моряках, которые побывали на Занте еще двадцать лет назад, во время Средиземноморской экспедиции эскадры адмирала Г. А. Спиридова. В 1770 году побывал здесь и сам Федор Федорович. В тот период зантеаты сформировали крупный, двухтысячный добровольческий отряд, который под командованием В. Макриса вместе с русскими войсками участвовал в боях в Море и почти полностью погиб.

Ушакову был известен и такой примечательный факт: когда на острове узнали о том, что французские войска высадились в Корфу, группа жителей подняла над крепостью российский флаг, выразив тем самым свое стремление перейти под покровительство России.

Взятие Занте адмирал поручил тоже капитан-лейтенанту Шостаку. В приказе командующий четко и подробно изложил боевую задачу и свои рекомендации. В частности, он наставлял офицера при подходе к острову уточнить расположение батарей, определить калибр пушек, выбрать необходимую дистанцию для открытия огня, при этом действовать стремительно, помня, что «чем поспешнее дело, тем неприятелю страшнее, и он, не имея времени осмотреться, придет в замешательство»²⁸. Как

---

²⁸ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 129—130.

и обычно, адмирал полагался на инициативу и находчивость подчиненных, напутствуя Шостака, советовал при выполнении задачи действовать по своему «благоразумию» и «по возможности обстоятельств».

По сигналу флагамена фрегаты «Григорий Великия Армении» и «Счастливый» устремились к острову. А с остальных кораблей стали спускать гребные суда, готовить десант. У турок не было подготовленных для такого дела офицеров. Поэтому по просьбе Кадыр-бея Ушаков поручил командовать турецким десантным отрядом лейтенанту Метаксе.

Между тем французы начали обстреливать приближавшиеся к берегу фрегаты. Корабли продолжали идти, не уменьшая паруса. Оказавшись на расстоянии картечного выстрела, они открыли ответный огонь. Меткими залпами они быстро подавили батареи, орудийная прислуга отступила в крепость. Тут же к острову направились десантные суда. Берег быстро заполнился толпами ликующих людей.

О приходе русской эскадры население острова заранее было извещено Ушаковым. В своем письме адмирал призвал его к совместным действиям против французов.

«...Когда гребные суда за мелкостию и камнями не могли близко пристать к берегу, — доносил Ф. Ф. Ушаков в Петербург, — жители острова сбежались к тому месту во множестве, бросились в воду и, не допустив солдат наших и турок переходить водою, усиленным образом и с великою ревностью неотступно желали и переносили их на берег на руках»²⁹.

Впрочем, с высадкой турецкого отряда произошла заминка — ему островитяне стали помогать лишь после того, как к ним обратился Метакса, и они увидели, что турками командует российский офицер, к тому же грек.

---

²⁹ Там же. С. 144.

Когда к острову подошли основные силы эскадры, к флагманскому кораблю «Св. Павел» направилось несколько шлюпок. Вскоре на его палубе появились радостно возбужденные островитяне. Выразив Ушакову благодарность за освобождение, они, перебивая друг друга, стали рассказывать, что еще до появления русских кораблей население подняло восстание и овладело городом. Зантеоты выразили готовность вместе с русскими идти на штурм крепости. Ушаков, довольный тем, что не ошибся в них, вручил делегации в качестве боевого знамени флаг первого адмирала и предложил готовиться к совместной атаке.

Фрегаты Шостака, высадив десант, открыли огонь по крепости. Но она находилась так высоко на скале, что ядра до нее не долетали, тогда как французские орудия, стреляя сверху, доставали корабли.

Видя это, Ушаков отдал приказ:

— Сигнал фрегатам: «Бой прекратить и отдалиться от берега!»

Суда отошли мористее, а командовавший десантом капитан-лейтенант Шостак, как и было условлено, послал к крепости парламентаря с предложением сдаться, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие. Французский комендант полковник Люкас отверг ультиматум.

Хотя уже наступал вечер, Ушаков приказал Шостаку вместе с вооруженным отрядом греков начать штурм. Когда десант двинулся к крепости, было уже темно. Впереди с фонарями и факелами шли добровольцы из местных жителей. Десантные отряды и толпы вооруженных островитян приблизились к крепостным стенам и готовились идти на приступ.

Капитан-лейтенант Шостак хотел было дать сигнал к началу штурма, как к нему доставили француза в гражданском платье. Им оказался полковник Люкас. Перед выходом из крепости он переоделся, опасаясь, что жители, опознав его, могут растерзать. Комендант прибыл,

чтобы заявить о сдаче крепости по договору (на определенных условиях).

Получив от Шостака донесение об этом, вице-адмирал Ушаков согласился принять капитуляцию и определил ее условия. Одно из них обязывало французов возвратить населению все, что ими было награблено. Все требования победителей были приняты. Комендант острова лишь попросил включить в договор статью о том, что французы и их семьи будут защищены от враждебных действий островитян.

Утром 14 октября гарнизон, насчитывавший «разных чинов 441 человек, в том числе обер-офицеров 47»³⁰, покинул крепость и сложил оружие перед десантом. Разъяренная толпа пыталась наброситься на французов, но русский отряд, окружив их плотным кольцом, благополучно доставил всех пленных на корабли. Среди них было 18 офицеров с женами и детьми. Ушаков решил отпустить их на родину под честное слово не участвовать впредь в борьбе против России и ее союзников. Остальные пленные были отправлены в Морею, а оттуда — в Стамбул. На следующий день после капитуляции крепости русский командующий в сопровождении командиров кораблей сошел на берег. Его торжественно встречало все население города Занте и прилегающих селений. Казалось, город потонул в звоне церковных колоколов и приветственных возгласах людей. Повсюду были вывешены русские военно-морские флаги.

Как и на Цериго, вице-адмирал Ушаков предложил населению Занте самому избрать управление островом. Но тут случилось непредвиденное: зантеоты, услышав такое, решительно воспротивились, заявляли, что «не хотят быть ни вольными, ни под управлением островских начальников», «упорно требовали быть взятыми в вечное

---

³⁰ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 144.

подданство России»³¹. Эта просьба объяснялась тем, что жители Занте, как и других островов, ненавидели и смертельно боялись турок, считали, что они после ухода русских из архипелага могут завладеть островом. Адмиралу пришлось долго доказывать зантеотам «пользу вольного, независимого правления», объяснить, почему они не могут быть взяты в подданство России.

— Такое решение может быть худо истолковано, — говорил Федор Федорович, — будто войска России, освободив вас от ига французов, вступили на Ионические острова не как освободители, а как завоеватели... Вы найдете в нас токмо защитников, друзей и братьев, а не повелителей...

Греки согласно кивали головами, слушая эти слова, которые переводил Метакса, но тут же снова начинали просить о своем. Адмиралу с большим трудом удалось уговорить их. Его план о введении на островах самоуправления продолжал претворяться в жизнь.

На Занте Ушаков решил оставить небольшой гарнизон под командованием мичмана М. Н. Васильева.

Приход русских моряков в Ионию всколыхнул население и других островов. Стало известно, что и там жители в ожидании их вооружаются, готовятся к выступлению против французов.

Чтобы ускорить освобождение архипелага, Ушаков и Кадыр-бей приняли решение разделить объединенную эскадру на отряды. Один из них под командованием капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина должен был направиться к острову Св. Мавры, другой во главе с капитаном 2 ранга И. С. Поскочиным — к острову Кефаллония. Третьему отряду, возглавляемому командиром линейного корабля «Захарий и Елизавета» капитаном 1 ранга И. А. Селивачевым, предстояло блокировать Корфу, чтобы не допу-

---

³¹ Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 51.

стить доставку туда новых французских войск и продовольствия.

Утром 14 октября, когда солдаты французского гарнизона на Занте сложили ружья к ногам русских матросов и солдат, отряд капитана 2 ранга И. С. Поскочина в составе линейного корабля «Св. Троица», фрегатов «Счастливыи» и «Сожествие св. Духа», транспортного судна «Красноселье» и одного турецкого фрегата взял курс на север. У берегов Кефаллонии он появился через сутки. Корабли подошли к Аргостолийскому заливу, на берегах которого раскинулись города Аргостоли и Ликсури.

Кефаллония — самый обширный в Ионии остров, да и по численности населения он уступал только Корфу. Его высокие горы были покрыты дремучими лесами, а долины славились своим плодородием. Кефаллонцы были хорошими мореплавателями, поддерживали широкие торговые отношения со многими районами, в том числе с русскими черноморскими портами.

Ушаков перед отходом судов от Занте направил к Поскочину двух греков, уроженцев Кефаллонии, — Спи-ро Ричардопулоса и Антона Глезиса, оказавшихся отставными офицерами российского флота. Они и появились на «Св. Троице» в мундирах русских военных моряков.

Объяснялось все просто. Как уже говорилось выше, кефаллонские греки вели интенсивную торговлю с русскими на Черном море. Начавшаяся в 1787 году русско-турецкая война застала некоторые их суда в России — в Таганроге, Севастополе и других портах. Капитаны обратились к главнокомандующему князю Г. А. Потемкину с просьбой зачислить их с экипажами на русскую службу. Эти суда использовались в качестве военных транспортов, выполняли другие задания. Ричардопулос и Глезис командовали крупными крейсерскими судами. За отличия во время боевых действий были удостоены русских чинов и наград. После окончания войны греки

вернулись на родной остров, сохранив самые добрые чувства к России. В 1798 году на Кефаллонии проживало до тридцати отставных офицеров русской службы³².

Немало офицеров греческого происхождения служило и на эскадре Ушакова. Среди них были капитан 1 ранга Е. П. Сарандинаки — командир флагманского корабля «Св. Павел», капитан 1 ранга А. П. Алексиано — командир «Богоявления Господне». Они тоже отличились в той русско-турецкой войне, а теперь героически сражались за освобождение Ионии, части своей родины — Греции.

Капитан 2 ранга Поскочин определил С. Ричардопулоса на фрегат «Счастливый», а А. Глезиса — на посыльное судно «Красноселье». Эти корабли первыми подошли к острову. Греки сошли на берег вместе с небольшими отрядами русских моряков. Там десант уже ожидало около пятисот вооруженных островитян во главе с греками Андреем Ричардопулосом и Анастасием Дивором, тоже отставными офицерами российского флота. Экипажи небольших купеческих судов, стоявших в бухте, подняли российские флаги.

На Кефаллонии имелись две старые венецианские крепости. Одна из них, Ассо, стояла на противоположной стороне острова, а другая, Цефаллония, поближе, в двенадцати километрах от города Аргостоли.

Майор Андрей Ричардопулос доложил, что прислуга батарей с приближением кораблей бросила свои пушки и направилась к крепости Ассо. Вслед за артиллеристами туда же ушел и небольшой гарнизон крепости Цефаллония. Достичь Ассо французам, однако, не удалось: десантники вместе с отрядом местных жителей настигли их и захватили в плен. Всего было взято около двухсот человек. Чтобы оградить пленных от расправы возбужден-

---

³² См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798—1800 гг. С. 110.

ного населения, Поскочин сразу же отправил их на корабли отряда.

С освобождением острова возникла опасность беспорядков: кефаллонцы были резко настроены против своих сограждан, сотрудничавших с французами или лояльно относившихся к ним. Пришлось И. С. Поскочину срочно принять меры: на улицах городов были усилены караулы, фрегат «Сошествие св. Духа» подошел поближе к Ликсури, а «Красноселье» — к Аргостоли. Тем самым спокойствие было обеспечено.

Утром 23 октября русско-турецкая эскадра вошла в залив. Кефаллонцы встретили сошедшего на берег русского адмирала с искренним ликованием. В воздухе стоял торжественно-радостный перезвон колоколов, со всех сторон неслись приветственные возгласы:

— Зито Россия!

— Зито Ушаков!..

После молебна в храме Федор Федорович возвратился на корабль. Поскочин доставил к нему бывшего французского коменданта Кефаллонии Ройе. Француз выразил свою «чувствительнейшую благодарность» за гуманное отношение русских моряков к французам и стал сетовать на озлобленность островитян.

— Вы сами виновники ваших бед, — жестко сказал адмирал. — Вы считаете себя образованными людьми, но деяния ваши вовсе не таковы...

Он имел в виду насилия и грабежи, творившиеся французами на захваченных ими островах.

Оказав помощь населению Кефаллонии в налаживании самоуправления и оставив здесь небольшой гарнизон, Ф. Ф. Ушаков 28 октября оставил Кефаллонию. Эскадра взяла курс к Корфу.

В пути было получено тревожное донесение от Д. Н. Сенявина, сообщавшего, что на острове Св. Мавры «французы, более пятисот сорока человек состоящего гарнизона, заперлись в крепости» и что своими силами он в ско-

ром времени взять ее не сможет³³. Ушаков, направив часть эскадры к Корфу, где уже действовал отряд капитана 1 ранга И. А. Селивачева, с остальными кораблями поспешил к Св. Мавре, на помощь отряду, состоявшему из двух линейных кораблей и двух фрегатов.

Сенявин подошел к острову 13 октября и сразу же блокировал его с моря. Но вскоре стало ясно, что овладеть им быстро не удастся. Оказалось, что и гарнизон крупный, и крепость мощная. Укрепление стояло на высоком холме, со всех сторон его окружали рвы, наполненные водой. Французы имели сильную артиллерию.

Когда отряд приблизился к острову, от берега отошло гребное судно. Через несколько минут на палубу «Св. Петра» поднялась делегация островитян. Старейший из них, бывший губернатор Кефаллонии А. Орио, отрекомендовавшийся копрт-адмиралом, до прихода французов служившим на флоте Венецианской республики, обратился к Сенявину:

— Мы прибыли, чтобы от имени всех жителей острова сердечно приветствовать вас, наших освободителей от ига французов, и выразить свою радость вашему приходу. Многие из нас вооружены и готовы совместно с вами выступить против общего неприятеля...

Члены делегации рассказали о численности французского гарнизона, его вооружении, укреплениях. Сенявин поблагодарил их за поддержку и попросил выделить несколько лодок, чтобы перевезти на берег снаряды и материалы для сооружения батарей.

На следующий день на остров был высажен отряд численностью около 350 человек. «Жители стекались отовсюду толпами... с видом, преисполненным благодарности, и сопровождали десант до того места, где долженствовал быть лагерь», — отмечалось в судовом журнале линейного корабля «Св. Петр»³⁴.

³³ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 175.

³⁴ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 214.

Вскоре на корабле Д. Н. Сенявина вновь появился Орио с группой вооруженных греков. Они доставили пятьдесят пять пленных французов, в том числе бригадного генерала и одиннадцать офицеров. Оказывается, они бежали с Кефаллонии, когда туда подошли корабли капитана 2 ранга Поскочина. До Св. Мавры добрались на лодках, но здесь, на берегу, их встретили вооруженные местные жители.

Десант расположился лагерем неподалеку от крепости. Вскоре к нему присоединился отряд греков, присланный Орио. И все же этих сил для штурма сильных укреплений противника было мало. Пришлось Сенявину обратиться к Ушакову за помощью.

В ночь на 23 октября моряки оборудовали позиции батареи и доставили туда снаряды. Когда рассвело, французы увидели в пятистах саженей наведенные на крепость пушки. Они тут же открыли по батарее огонь. Заговорили и русские орудия, установленные на берегу. Артиллерийская перестрелка, то затухая, то вспыхивая с новой силой, продолжалась до начала штурма. Когда наступило очередное затишье, Сенявин направил к крепости двух офицеров с предложением сложить оружие. Встретившие их представители французского гарнизона заявили, что в крепости есть в достатке все необходимое для обороны и комендант не видит надобности в переговорах.

На следующий день Сенявин, стремясь прекратить кровопролитие, снова направил парламентеров с напутствием:

— Передайте им, что, когда крепость станет ослабевать, никаких переговоров об условиях капитуляции вести не буду!

Однако и на этот раз французы ответили отказом. Их упорство объяснялось не столько уверенностью отсидеться за толстыми крепостными стенами, с большими запасами провианта, пороха и ядер, сколько происками про-

тив эскадры Али-паши Янинского — правителя подвластной Порте провинции Эпир на Адриатическом побережье Балкапского полуострова. С ним комендант Св. Мавры полковник Миолет поддерживал тайную связь. Али-паша норовил завладеть этим островом, отделявшимся от его владений лишь узким и мелководным проливом.

Это был честолюбивый, коварный и крайне жестокий правитель. Свою карьеру он начал с того, что после смерти отца — первого аги³⁵ города Тепелении умертвил своих братьев и сам занял его пост. В дальнейшем путем подкупов и убийств соседних правителей он расширил подвластную ему территорию и стал самым могущественным властелином на западе Балкан.

После захвата Францией Ионических островов Али-паша установил контакт с французской администрацией, пытаясь заручиться ее поддержкой в своих дальнейших захватнических планах. В свою очередь и французы, стремясь упрочить свои позиции на Западных Балканах, пошли на установление с ним связи, чтобы привлечь его на свою сторону в случае конфликта с Портой. К тому же генерал Бонапарт видел во владениях Али-паши главный источник получения продовольствия и корабельного леса.

Узнав о прибытии в Ионию объединенной эскадры, Али-паша тут же вступил в тайные переговоры с комендантом острова Св. Мавры полковником Миолетом с целью добиться передачи ему острова. За эту уступку он предлагал полковнику 30 тысяч червонцев и обещал отправить французский гарнизон за свой счет в один из портов, подвластных Франции. Сделка, однако, не состоялась — помешал приход российских кораблей.

Сенявин, получив отказ французов капитулировать, начал подготовку к штурму. Он решил установить на суше еще несколько батарей, в том числе одну, 18-фунто-

---

³⁵ Ага — в султанской Турции титул военачальника.

вую, на албанском берегу, на мысе, откуда крепость хорошо просматривалась и была менее защищена.

Утром 28 октября все батареи открыли сильный огонь. Горячая перестрелка длилась несколько часов. В крепости возник сильный пожар. Только успели французы потушить его, как вспыхнул еще один. Русские ядра разнесли башню вместе с развевавшимся на ней трехцветным флагом.

Батареи, не умолкая, продолжали разрушать укрепления. И французы не выдержали. Как только стрельба утихла, из крепостных ворот вышли три офицера. Они заявили о согласии капитулировать, но на следующих условиях: гарнизон выходит из крепости с воинскими почестями и складывает оружие, после чего все солдаты и офицеры доставляются на судах эскадры в Тулон или в захваченную французами Анкону.

Эти условия сдачи Сенявин не принял. Предвидя, что противник теперь попытается активизировать свои действия, он попросил Орио прислать в помощь отряды вооруженных островитян. В своих предположениях офицер не ошибся. Ночью гарнизон предпринял вылазку. Около трехсот солдат и офицеров под покровом темноты двинулись на одну из батарей, стремясь захватить ее. Заметив французов, моряки подпустили их поближе и неожиданно ударили картечью. Открыли огонь и другие батареи. Неприятель в панике повернул назад.

Каждый новый день начинался с артиллерийской стрельбы. Французы дважды просили смягчить условия капитуляции. Но Сенявин был непреклонен.

31 октября вечером к острову подошел Ушаков. На следующий день он, выслушав доклад Сенявина, сошел на берег и с холма внимательно осмотрел крепость. Четыре русских и одна турецкая батареи, установленные на берегу, палили непрерывно по ее укреплениям. Французы тоже вели сильный огонь. Но точнее стреляли русские артиллеристы.

— Молодцы! — не удержался от похвалы Федор Федорович, увидев, как несколько бомб, выпущенных 18-фунтовыми единорогами, разорвались в середине крепости. — Молодцы!..

Адмирал назначил штурм на завтра. Утром к русскому отряду присоединилось несколько сот вооруженных жителей.

Все было готово к началу атаки. Но прежде чем дать сигнал, Ушаков снова предложил коменданту острова сдать крепость. В случае отказа, предупредил он, французы «никакой пощады ожидать не должны». Переговоры затянулись и были перенесены на следующий день.

Между тем Ушакову доложили, что задержана и обезоружена группа турецких солдат, грабивших островитян. Разбой союзников, бросавший тень и на репутацию русских моряков, крайне возмущал адмирала. Он распорядился препроводить задержанных к Кадыр-бею и тут же стал диктовать адъютанту письмо турецкому командующему: «Таковые поступки подчиненных вашему превосходительству команд вынуждают меня отсторонить впредь турок от всякого содействия. Можем ли мы угнетенным жителям края сего обещать независимость, уважение к религии, сохранение собственности и, наконец, освобождение от ига французов, общих наших неприятелей, когда поступками нашими будем отвергать даваемые нами обещания»³⁶.

3 ноября ему доставили «договор на капитуляцию», подписанный по его поручению капитаном 1 ранга Сенявиным и французским комендантом полковником Миолетом. Документ содержал условия, продиктованные Ушаковым. На следующий день французы покинули крепость и сложили оружие. Комендант передал Сенявину два знамени, флаг и все ключи. Над крепостью Св. Мавры взвились флаги союзников — русский и турецкий.

---

³⁶ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 167.

В донесении Ушакова в Петербург говорилось: «...от двенадцатидневной непрерывной канонады состоящие в крепости дома, казармы, магазейны и прочие строения весьма повреждены и разбиты, то ж и стены крепости имеют во многих местах немалые повреждения. В крепости состоит артиллерии: мортир медных семипудовых две, пушек медных малых разного калибра 18, чугунных больших и малых разного калибра 37, ружей 617, пистолетов 13, пороху 159 пуд, бомб 524, ядер разного калибра 10109, провианту на число гарнизона на двадцать семь дней... Гарнизону состояло в крепости 546 и с того числа убитых 34, раненых 43, в плен взято обще с ранеными 512, в том числе 46 офицеров...»³⁷. Не забыл командующий отметить и отличившихся при освобождении острова, в том числе отставных российских офицеров греков Спирос Ричардопулоса и Антона Глезиса.

В те дни Ушакову пришлось защищать местное население не только от французов, но и от «союзника» Али-паши Янинского. Этот ставленник турецкого султана творил на побережье чудовищные злодеяния. Ряд расположенных там городов, в том числе Парга и Превеза, был захвачен у Венецианской республики французами. С появлением вблизи российской эскадры население Парги, начав восстание, изгнало из города и крепости их гарнизоны и подняло на башнях русский и турецкий флаги. Однако паргиане теперь еще в большей степени опасались другого злейшего своего врага — вероломного и жестокого Али-пашу, боялись разделить судьбу горожан Превезы.

В то время как русско-турецкая эскадра освобождала Ионические острова, эпирский наместник Али-паша с 10-тысячным войском неожиданно напал на Превезу. Уничтожив 12 октября небольшой, в 250 человек, фран-

---

³⁷ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 176—177.

пузский гарнизон крепости Никополь, злодей устроил резню и среди жителей города.

Вот как описывал эту трагедию Ф. Ф. Ушаков в отчетном донесении в Петербург: «...в Превезе перерезаны все, кто только ни попал в руки — старые и малые и многие женщины, а остальные... продаются торгом, подобно скотише, и отдаются в подарки, прочие ж разбежались в разные острова и наполнили оные стоном и плачем... Всех прочих мест береговые жители, прежде бывшие в венецианском владении, видя чрезвычайные жестокости, пришли в отчаянность и озлобление, а особо обыватели города Парги»³⁸.

Негодование адмирала вызвали и провокационные действия Али-паши по отношению к русскому консулу в Превезе майору Ламбросу. Он был схвачен, закован в цепи и отправлен на галеру, где содержались невольники. Узнав об этом, Ушаков в гневном письме потребовал немедленно освободить консула.

Жители Парги, встревоженные приближением войск Али-паши, прислали к Ушакову свою делегацию с письмом, в котором просили не только защитить их, но и принять в подданство России. На это Федор Федорович ответил:

— Я вовсе не уполномочен приобретать для России новые земли или подданных и поэтому, к сожалению своему, требование ваше никак удовлетворить не могу...

Ответ адмирала привел паргиан в глубокое отчаяние.

Они пали к ногам Ушакова, просили взять их если не в подданство, то хотя бы под свое покровительство. Иначе, заявили они, пойдут на последнее средство: перережут жен и детей своих и будут драться с войсками Али-паши насмерть, пока не погибнут все до единого.

Ушаков оказался в затруднительном положении — как-никак Али-паша был представителем Османской

---

³⁸ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 191—192.

Порты. Но все же, заручившись поддержкой Кадыр-бея, решил взять Паргу под свою защиту.

В город было направлено военное судно с небольшим отрядом солдат и несколькими орудиями. Али-паше пришлось отказаться от своего намерения захватить Паргу³⁹. Был также освобожден русский консул.

7 ноября, оставив у острова Св. Мавры отряд капитана 1 ранга Сенявина, чтобы наладить порядок и принять на суда орудия своих батарей и трофейные медные пушки крепости, эскадра направилась к острову Корфу.

---

³⁹ Через много лет город все же постигла горькая участь. Четверть века спустя его жители были преданы «союзниками» — англичанами. Англия, являвшаяся в то время покровительницей Ионических островов, передала город Али-паше. Паргиане, узнав об этом, выкопали прах умерших, сожгли его на площади и 10 мая 1819 года покинули город, унося с собой пепел предков и горсти родной земли.

У СТЕН КОРФУ

Основные силы соединенной эскадры подошли к Корфу 9 ноября 1798 года. Остров этот, самый северный и самый крупный по численности населения в Ионическом архипелаге, служил главной базой французов в северо-восточной части Средиземноморья и был наиболее укреплен.

С утра поднялся туман, и кораблям пришлось бросить якоря в бухте у местечка Месанга, при входе в Корфинский пролив, отделяющий остров от материка. К полудню подул легкий ветер, вскоре ярко засветило солнце. Эскадра, став под паруса, двинулась в боевом порядке в пролив. Вдали показались мачты кораблей отряда капитана 1 ранга И. А. Селивачева, пришедшие сюда раньше. Они перекрывали выход из узкого пролива между островами Корфу и Видо, в котором находились французские суда.

Еще в пути каждому кораблю русской и турецкой эскадр было определено место стоянки, и теперь они бросали якоря, охватывая полукольцом одноименный с островом город и его крепости.

Моряки с интересом рассматривали открывшуюся перед ними живописную панораму блокированного города

с его узкими, карабкавшимися на холмы улочками и причудливыми нагромождениями крепостных сооружений. В древности он назывался Керкирой. Его основали еще в 734 году до н. э. выходцы из одного из крупнейших тогда полисов (городов-государств) Греции — Коринфа в качестве своей колонии. С развитием торговли он в конце VII века до н. э. сам становится самостоятельным греческим полисом.

В 229 году до н. э. остров Корфу завоевали легионеры Рима, и спустя некоторое время он, как и вся Греция, вошел в состав Римской империи.

Положение главного города Ионии Керкира сохраняла и после захвата архипелага Венецианской республикой в конце XV века. Однако теперь за городом и островом закрепилось итальянское название — Корфу.

В июне 1797 года в порт вошла французская эскадра в составе двух 64-пушечных кораблей и одиннадцати малых судов. Они доставили более трех тысяч человек десантных войск, составивших гарнизоны оккупированных островов.

В своих дальнейших захватнических планах в Восточном Средиземноморье и Черном море Бонапарт отводил Корфу роль опорной базы своих военно-морских и сухопутных сил. Высадившись на острове, французы сильно укрепили его. Казалось, сама природа с мощными, естественными преградами, воздвигла здесь неприступную крепость. В пролив вдается, все более возвышаясь, длинный, гористый мыс, издали напоминающий огромный, фантастический маяк. Его высокие берега круто обрываются к воде. На плоской поверхности утеса венецианцы возвели крепость. Французы же значительно усилили ее мощными сооружениями, укрепили толстые и высокие оборонительные стены, установили современные орудия, упрятали в подземные, пробитые в скале галереи пороховые склады. Крепость отделял от города канал, напол-

ненный водой. Он был таким широким и глубоким, что малые суда использовали его в качестве гавани.

За крепостным валом расположился сам город. С северной стороны его возвышались укрепления новой крепости, сооруженной французами уже после захвата ими острова. От нее к старой крепости по самому берегу тянулась высокая стена.

Со стороны суши город был защищен земляным валом с бастионами и другими укреплениями. Среди этих сооружений выделялись форты Сан-Сальвадоре и Сан-Авраам, редут Сан-Роно (Сан-Роко), соединенные между собой подземными переходами. Эти сильно укрепленные опорные пункты были способны самостоятельно отражать штурмы неприятеля, вести круговую оборону.

С моря сильно укрепленный город-крепость прикрывал остров Видо — небольшой, гористый, отделенный от Корфу узким, в три-четыре кабельтова ⁴⁰, проливом. С виду это была высокая гора, вершина которой возвышалась на самой середине острова. Видо был тоже хорошо укреплен. В удобных местах располагалось пять мощных артиллерийских батарей, по берегу тянулись траншеи и другие позиции. По существу, остров представлял собой самое сильное укрепление Корфу.

Ф. Ф. Ушаков долго рассматривал в подзорную трубу огромную мощную крепость и острова, затем повернулся к стоявшим рядом офицерам и, вытянув руку в сторону Видо, произнес:

— Вот ключ от Корфу, господа!

С судов хорошо было видно, что противник продолжает укреплять остров. Одни солдаты работали на батарейных позициях, другие рубили масличные деревья, стягивали их к берегу и делали из них засеки в местах, удоб-

---

⁴⁰ Кабельтов — морская мера длины, равная одной десятой части морской мили (185,2 метра).

ных для высадки десантов. А чтобы воспрепятствовать подходу гребных плавсредств, в воде устанавливались боновые заграждения (бревна, скрепленные железными цепями).

Гарнизон Видо составляли до трехсот человек. Всего же на Корфу неприятельских войск насчитывалось более трех тысяч солдат и офицеров. Эта крепость считалась неприступной, за многие века ни разу не спускала флаг перед неприятелем. К примеру, в 1716 году она выдержала длительную тяжелую осаду турок. По мощности с ней могли сравниться разве что крепости Гибралтар и Ла-Валетта (на Мальте).

Отряд французских судов состоял из двух линейных кораблей — 74-пушечного «Женере» («Женерозе») и 54-пушечного «Леандра», 32-пушечного фрегата «Ла-Брюн», бомбардирского корабля и нескольких более мелких военных судов. Линейные корабли появились здесь недавно. Прибыли они из-под Александрии. Оба участвовали в морском сражении у Абукира — «Женере» входил во французскую эскадру, «Леандр» — в эскадру Нельсона. После разгрома французского флота быстроходный «Женере», вовремя снявшись с якоря, невредимым вышел из сражения и направился к Корфу. В пути он встретил английский корабль «Леандр». Он тоже шел от Абукира, спеша под всеми парусами в Гибралтар с донесением Нельсона об одержанной победе.

Бой между ними был жарким, но недолгим: «Леандр» спустил флаг, и французы препроводили его к Корфу в качестве трофея.

Ушаков распорядился «Св. Павлу» стать на якорь поближе к берегу, чтобы удобнее было поддерживать связь с островитянами. Вскоре у борта флагманского корабля появились гребные суда с корфийцами, одетыми в яркую одежду. Радостно возбужденные, они поднялись на борт, чтобы встретиться с российским адмиралом. Выразив свое удовлетворение приходом освободителей, они заяви-

ли о своей готовности совместно с русскими выступить против французов.

Греки также рассказали, что незадолго до появления эскадры французские власти потребовали от жителей Корфу сдать оружие и лодки. В ответ на это в Мандуккио, предместье города, 3 ноября вспыхнуло восстание. Более тысячи вооруженных рыбаков и крестьян вступили в бой с французскими войсками, длившийся около семи часов. Французы смогли выбить восставших из Мандуккио лишь после ожесточенной артиллерийской бомбардировки населенного пункта. Они сожгли все дома жителей предместья.

Ушаков, одоблив решимость местного населения принять участие в предстоящих боевых действиях, поручил создание народного ополчения одному из влиятельных корфян Н. Булгарису, верно служившему России во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов. Адмирал получил от делегации ценные сведения о силах неприятеля. По данным греков, подтвердившимся позднее, французский гарнизон насчитывал свыше трех тысяч человек, имел 650 орудий, полугодовой запас продовольствия. Кроме того, линейный корабль «Женере» снял с албанского побережья все французские гарнизоны и доставил их на остров. Да в отряде кораблей было около полутора тысяч моряков и более двухсот орудий. Словом, силы противника были внушительными. Командовал корфинским гарнизоном генерал Л. Шабо, один из видных военачальников Франции, выдвинувшихся во время революции.

Ушакова озадачивали малочисленность русско-турецких десантных войск и недостаток продовольствия на эскадре. По договоренности с султаном все четыре паши, правившие в западной части Балканского полуострова, должны были поставить по три тысячи человек. Но они не торопились.

В ожидании подкрепления командующий уплотнил морскую блокаду. Несколько легких судов, в том числе

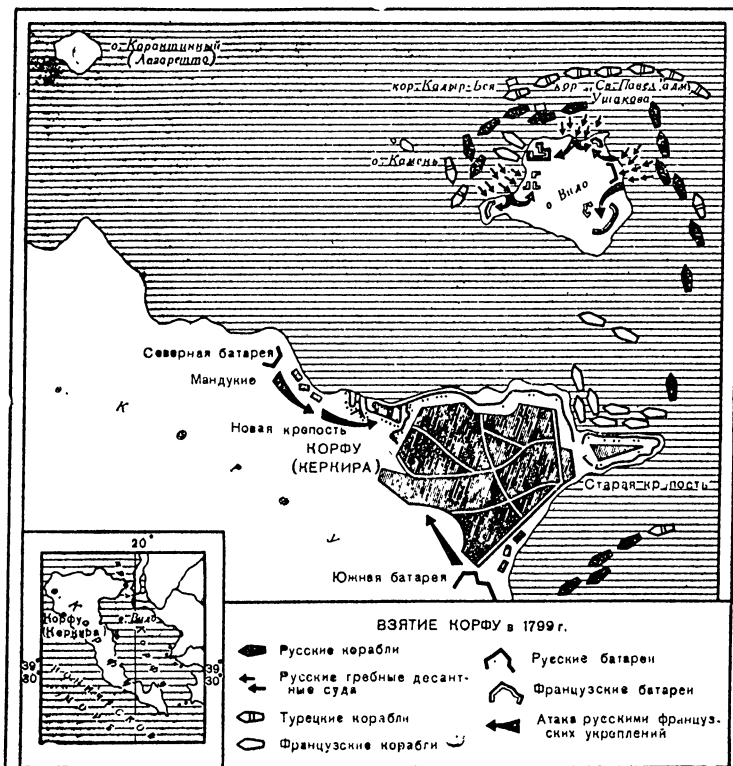
французская шебека, захваченная Селивачевым и переименованная в «Св. Макария», курсировало между Корфу и материком, препятствуя сообщению французов с берегом, где они, переправляясь ночью, закупали скот, различное продовольствие.

С появлением эскадры в архипелаге усиливались не только крепость Корфу и Видо, но и небольшой остров Лазаретто, где возводились укрепления, сооружалась новая мощная батарея. Когда же отряд Селивачева пришел в этот район, гарнизон Лазаретто, бросив семь крупнокалиберных чугунных пушек, бежал в крепость.

— Место это, однако, для батареи отменное, — заметил адмирал, выслушав доклад Селивачева, и распорядился завершить строительство батареи, используя орудия противника.

13 ноября вице-адмирал Ушаков высадил на побережье Корфу небольшой, в сто человек, десант под командованием капитана Кикина. Отряд, не встречая противодействия, в пяти верстах от крепости занял небольшой портовый городок Гуино, который вместе с адмиралтейством был французами основательно разрушен. Адмирал распорядился отремонтировать несколько домов под госпиталь, чтобы перевести туда с кораблей больных моряков. А несколько позднее, при подготовке к штурму, он наладил в Гуино строительство небольших гребных судов для высадки десанта, а после освобождения всего острова — ремонт судов эскадры.

Как и в прежних случаях, подготовку к взятию крепости командующий начал с установки на берегу батареи. 13 ноября он в сопровождении офицеров сошел с корабля и осмотрел места для их позиций. Первую из них установили вскоре на высоком холме, неподалеку от форта Сан-Авраама. Ее составили четыре полевые пушки, два единорога, две мортиры и 35-фунтовая гаубица. Работы велись под постоянным артиллерийским обстрелом. Соорудили батарею довольно быстро. Уже на третий день

она под командованием капитана Кирко открыла огонь по крепости.

Для прикрытия батарей с кораблей был доставлен отряд морских гренадеров подполковника Сипора. Всего же на судах русской эскадры их насчитывалось 1700 человек.

Этот род войск родился в России еще при Петре I, издавшем в 1705 году указ о создании первого полка мор-

ских гренадеров. В последующем появилось несколько таких формирований. Они не раз отличались в боях, проявляя мобильность, стойкость, неустрашимость. Морская пехота участвовала в сражении при Гангуте, в Средиземноморском походе эскадры Г. А. Спиридова. В свою очередь Ф. Ф. Ушаков отводил «морским солдатам» большую роль в освобождении Ионических островов.

Помимо русского отряда, насчитывавшего 310 человек, в прикрытии береговой батареи участвовало около 100 турок и 30 арнаутов⁴¹.

Французы неоднократно пытались уничтожить батарею — подвергали ее сильному артиллерийскому обстрелу, атаковали, предпринимая вылазки. Однако отряды прикрытия с помощью эскадры и вооруженных жителей успешно отражали их нападения.

17 ноября Ушакова посетила еще одна группа корфиотов. Это были жители селений южной стороны крепости. Старший из них грек инженер Ф. Маркатис, сдерживая волнение, сказал:

— Разорения и грабежи терпим от французов ежедневные, обнищали мы, голодаем. Просим защиты у высокочтимого русского адмирала.

Федор Федорович ответил, что намеревается установить батареи и на южной стороне крепости, но пока не хватает сил: отряд Сенявина все еще задерживался у острова Св. Мавры.

Выслушав командующего, греки зашумели, заговорили разом.

— Мы готовы помочь, — заверил от их имени Маркатис. — Просим дать нам на первый случай две или три пушки да послать офицера с малым числом канониров и солдат.

Инженер сообщил, что им создан вооруженный отряд,

---

⁴¹ Арнауты — албанцы магометанского вероисповедания, состоявшие на военной службе в Османской империи.

который будет постоянно находиться при батарее. Ушаков решил удовлетворить просьбу делегации.

На следующий день шебекой «Св. Макарий» на берег были доставлены на первый случай трофейные две полевые пушки и гаубица, а также шесть моряков-канониров и двенадцать солдат во главе с унтер-офицером.

Место для батареи было выбрано на высоком холме, близ церкви Св. Пантелеймона, откуда хорошо просматривались внешние укрепления и старая крепость. Греки под руководством Маркатиса с таким энтузиазмом принялись за дело, что на сооружение укреплений и установку пушек ушли лишь одни сутки. И канониры сразу же начали обстреливать крепость. Однако батарея просуществовала недолго. Спустя несколько дней французский отряд численностью около 600 человек с двумя орудиями внезапно атаковал ее позиции. Еще не участвовавшие в боях ополченцы в панике побежали. Оставшаяся горстка их во главе с инженером Маркатисом и русские моряки оборонялись отчаянно, но силы были далеко не равные. Французы захватили орудия, взяли в плен семнадцать человек, Маркатис и еще несколько ополченцев были тут же расстреляны. Двум канонирам и двум солдатам удалось бежать на шебеку, стоявшую у берега.

Ободренные успехом, французы в тот же день совершили еще одну вылазку — на этот раз из северной крепости, решив уничтожить и основную русскую батарею. Более тысячи солдат и отряд кавалеристов под командованием самого Шабо, развернувшись, с трех сторон устремились на артиллерийские позиции. Канониры ударили картечью. Били так метко, что атакующие, не выдержав, повернули назад. Но вскоре, перестроившись, французы снова двинулись на штурм.

Артиллеристы и отряд прикрытия сражались храбро. Ожесточенный бой длился несколько часов. Не умолкая, гремели орудия. Уже вечером гренадеры, поднятые

капитаном Кикиным, дали дружный залп из ружей и ударили в штыки. У стен Корфу гремело русское «ура».

Для французов это было так неожиданно, что они беспорядочно бросились к крепости. В этом бою они потеряли только убитыми до ста человек. Понес урон и десант: 31 человек был убит и 72 ранено⁴². Дважды — пулей и штыком — ранило отважного капитана Кикина. Кроме него Ушаков отметил доблесть капитана Кирико, фельдфебелей Конохотина и Козловского, унтер-офицеров Осипова, Прасолу, Васильева, Страховского и других отличившихся подчиненных.

Получив суровый урок, неприятель больше на эту батарею нападений не совершал. Артиллерийская перестрелка велась каждодневно.

Продолжая блокаду противника с моря и суши, Ушаков начать штурм крепости пока не решался. Сухопутных сил против более трех тысяч французов, засевших за прочными крепостными стенами, было явно мало. «...Если бы я имел со мною один только полк российского сухопутного войска для десанта, — писал Ф. Ф. Ушаков в Петербург, — непременно надеялся бы я Корфу взять, совокупясь вместе с жителями, которые одной только милости просят, чтобы ничьих других войск, кроме наших, к тому не употреблять.»⁴³ Однако на прибытие русских войск надеяться не приходилось. Адмирал продолжал добиваться присылки обещанных султаном до четырнадцати тысяч пехоты из подвластных Порте Морей и Албании. «С таковым числом войск тотчас Корфу взять бы было можно», — писал он В. С. Томаре⁴⁴. Но Алипаша и другие турецкие феодалы, занятые междоусоб-

---

⁴² См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 234.

⁴³ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 194.

⁴⁴ Там же. С. 329.

ной борьбой, по-прежнему не торопились выполнять грозные султанские фирманы (указы).

Были и другие немалые трудности. Эскадра испытывала нехватку осадной артиллерии, снарядов и ружейных пуль. Особенно недоставало провианта, теплой одежды, не было и денег для выплаты жалованья «служащим» и офицерам. Продовольствием тоже должна была обеспечивать Порта, но плохо выполняла и это свое обязательство.

Ушаков прилагал невероятные усилия, чтобы хоть как-то кормить людей. Пока были деньги, закупали понемногу зерно у крестьян на албанском побережье, мололи на мельницах и «изыскивали способы к печению хлеба». Но их оставалось все меньше. Положение становилось просто бедственным. «Ежели провиант в одну неделю или в десять дней не успеет доставлением сюда,.. — сокрушался командующий, — чем пропитать служителей, способов не нахожу»⁴⁵.

В начале декабря из Севастополя прибыл наконец акат «Св. Ирина» с провизией. Но доставленное им соленое мясо оказалось протухшим, и его пришлось выбросить за борт.

Зима между тем принесла дополнительные трудности. Досаждали частые дожди, пронизывающие ветры, штормы, без теплого обмундирования люди мерзли и на кораблях, и на берегу. Многие были простужены. Ушакову пришлось за свои деньги приобрести для караульных на батарее албанские капоты — короткие бурки из толстого сукна, которые можно было использовать и в качестве одеял.

Между тем французы продолжали укреплять свои оборонительные сооружения и предпринимать ночные вылазки в близлежащие селения для пополнения съестных припасов. Нередко с такими их группами происходили стычки.

⁴⁵ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 247.

Начал проявлять активность линейный корабль «Женере». 27 октября он вступил в перестрелку с кораблем «Захарий и Елизавета» и затем, пользуясь попутным ветром, попытался проскользнуть между блокирующими судами. Но это ему не удалось. Такие его попытки повторялись, но каждый раз путь ему преграждали русские корабли. Во время одной из перестрелок «Женере» получил серьезные повреждения: была разбита кормовая галерея, возникло несколько пробоин в борту, осколок сбил корабельный флаг. Экипаж потерял восемь человек убитыми, несколько матросов и офицеров получили ранения.

После этого боя «Женере» приутих. Однако, как показали дальнейшие события, ненадолго. Затаившись, он выжидал удобного момента, чтобы вырваться из Корфу.

Накануне нового, 1799 года к эскадре присоединился прибывший из Севастополя отряд контр-адмирала П. В. Пустошкина в составе 74-пушечных линейных кораблей «Св. Михаил» и «Симеон и Анна».

Контр-адмирал Павел Васильевич Пустошкин, однокашник Ушакова по Морскому корпусу, вместе с ним служил и на Черноморском флоте, отличился храбростью в сражении при Калиакрии. Федор Федорович был рад и встрече со старым товарищем, своим единомышленником в военно-морском искусстве, и, конечно, пополнению.

Возвратились в эскадру и фрегаты капитана 2 ранга А. А. Сорокина, сопровождавшие турецкие канонерские лодки к берегам Египта, а затем вместе с английскими кораблями участвовавшие в блокаде французских судов в бухте Александрии. Несколько ранее подошел к Корфу и отряд капитана 1 ранга Д. Н. Сенявина, задержавшийся у острова Св. Мавры.

Теперь вся эскадра была в сборе, и дело, казалось, лишь за сухопутными войсками. Однако возникли новые обстоятельства, отвлекавшие от подготовки к штурму.

В первых числах января Ушаков получил сведения о том, что из Анконы — порта на восточном побережье захваченного Францией Апеннинского полуострова — вышла к Корфу эскадра из трех линейных кораблей и нескольких малых судов с десантными войсками. Адмиралу было известно, что еще до прихода объединенной эскадры к острову командующий французскими войсками на Ионическом архипелаге генерал Жентини отправился в Папскую область за пополнением и продовольствием. И вот сейчас контр-адмирал Пустошкин получил приказ со своим отрядом в составе линейных кораблей «Св. Михаил» и «Симеон и Анна», двух русских и двух турецких фрегатов отправиться в Адриатическое море на поиск французских судов. Корфу он оставил 5 января. А спустя несколько дней пришлось отправить один фрегат с турецким судном в итальянский порт Бриндизи для перевозки в Триест или «куда случай и обстановка позволят» спасавшихся от французов знатных особ неаполитанского двора.

Мало того, английский адмирал Нельсон настойчиво добивался направления всей русской эскадры к берегам Италии для блокады с моря Генуи, Ливорно и других приморских городов, захваченных французскими войсками. Он пытался убедить Ушакова, что это гораздо важнее и полезнее для дела борьбы с Францией, нежели осада Корфу. Его цель Федору Федоровичу была ясна: английский адмирал был встревожен отнюдь не угрозой появления французского флота у берегов Италии — тот был разбит при Абукире и теперь особой опасности в этом районе не представлял, — англичан беспокоила возможность утверждения русских на Ионических островах.

26 января глубоким вечером, когда стали еле угадываться очертания острова Видо, гардемарин Василий Драгневич, командир полугалеры, находившейся в дозоре, неожиданно заметил силуэты двух судов с выкрашен-

ными в черной цвет парусами. В темноте распознать их было трудно, но по тому, что шли они без огней, крадучись, Драгневич понял, что это неприятель. Гардемарином командовал выпалить четыре ракеты из пушек. Выслушав доклад о заранее условленном сигнале, Ушаков тут же приказал кораблям, стоявшим ближе всех к французским судам, идти в погоню.

Русские корабли снялись с якоря, турецкий же корабль контр-адмирала Фетим-бея, более быстроходный, приказ не выполнил. Направленный к Фетим-бею офицер Метакса нашел того спящим в своей каюте. Поднявшись, контр-адмирал стал спокойно говорить, что команда, голодая, не получая жалованья, долгое время не видясь со своими семьями, сильно ожесточена против начальства и потому ее лучше не трогать.

Тем временем французские корабли, а это были «Женере» и бриг, уходили все дальше и дальше, обстреливая стоявшие поблизости турецкие суда. Вскоре они скрылись из виду.

Случившееся сильно огорчило Ушакова. Одно утешало: французы с бегством «Женере» лишились около ста орудий и восьмисот человек его команды.

Между тем штурм Корфу по-прежнему задерживался. Время шло, а обещанные султаном войска почти не поступали. Небольшая часть обещанного была доставлена на остров, но и те немногие новобранцы сразу же разбежались. Французы не без основания шутили: «Русские хотят на кораблях своих въехать в крепость».

Вице-адмирал Ушаков с присущей ему настойчивостью продолжал добиваться выполнения Турцией договоренности. Кадыр-бей же, которому фирманом султана предписывалось требовать необходимые войска от пашей, был беспомощен что-либо сделать: те вели себя независимо. Видя это, Федор Федорович стал обращаться непосредственно к Али-паше. Но длительная переписка с

ним, кроме обмена любезностями, ни к чему не приводила.

Терпение адмирала стало иссякать. «Я измучил уже бесценно всех моих людей», — сетовал он. Тревожила его и возможность прибытия подкрепления французскому гарнизону. Тогда неприятель мог бы надолго сковать здесь эскадру. А она нужна была и в Италии: ее помощи настойчиво просил неаполитанский король.

К тому времени французские войска захватили и Неаполитанское королевство. Король Фердинанд II вынужден был бежать на остров Сицилию. Теперь вся Италия, за исключением Сицилии и Сардинии, находилась во власти Директории.

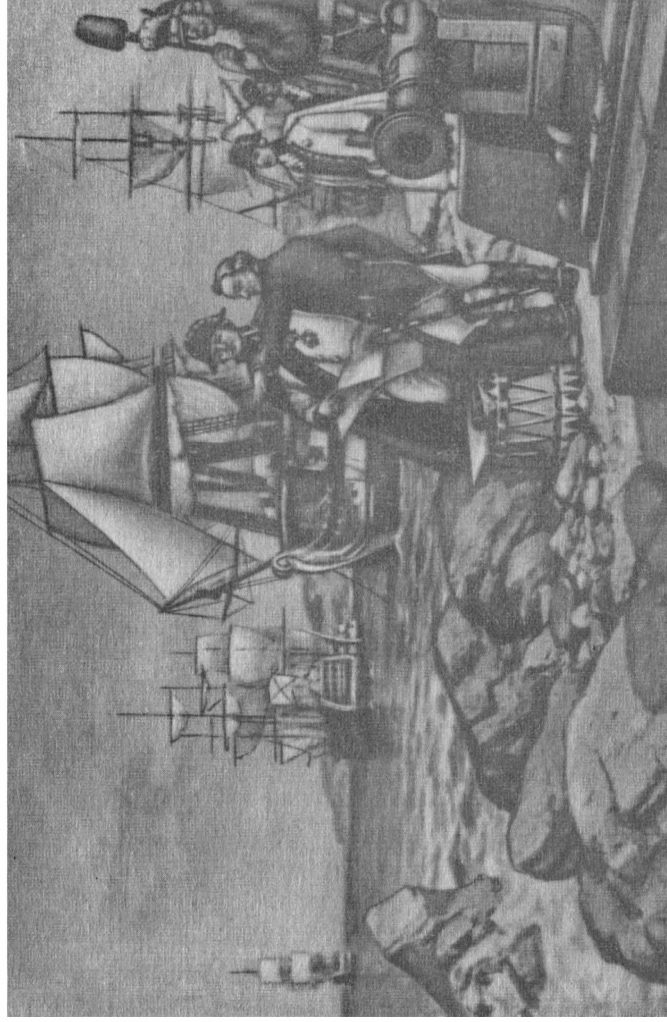
Убедившись, что обещанной помощи от турецких пашей не получить, Ушаков решительно приступил к подготовке штурма Корфу. На мысе Св. Пантелеймона, на месте разрушенной неприятелем батареи, моряки линейного корабля «Св. Троица», фрегатов «Григорий Великий Армении» и «Сшествие св. Духа» с помощью нескольких сот местных жителей под руководством полковника И. И. Юхарина за короткий срок соорудили мощный опорный пункт. Неподалеку от старой крепости установили более тридцати русских и турецких корабельных орудий и полевых пушек. Кроме того, оборудовали батарею из семи мортир напротив Сан-Сальвадоре — наиболее мощного из внешних укреплений. Она не только держала под огнем старую крепость, ее форты, бастионы, но и прикрывала устье речки Месогни — единственное место, где эскадра пополняла запасы пресной воды. Но наиболее важную роль ей предстояло сыграть в предстоящем штурме.

Теперь все укрепления на Корфу находились под артиллерийским обстрелом.

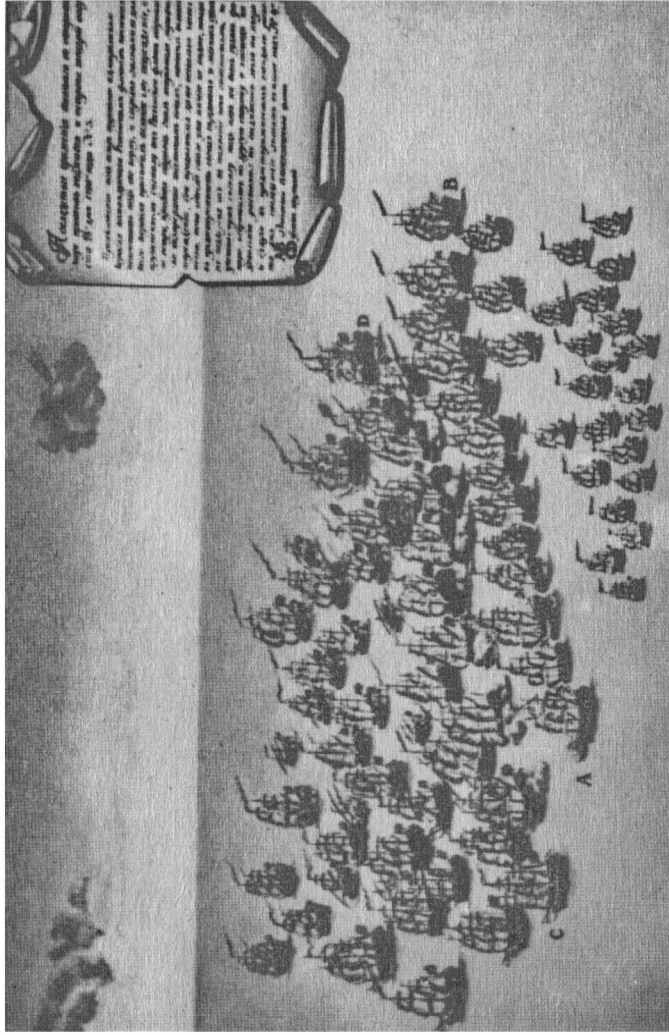
Из-за нехватки сухопутных войск адмирал решил бросить на штурм укреплений и часть команд кораблей. Моряков обучали пальбе из ружей, применению штур-

Адмирал Ф. Ф. Ушаков

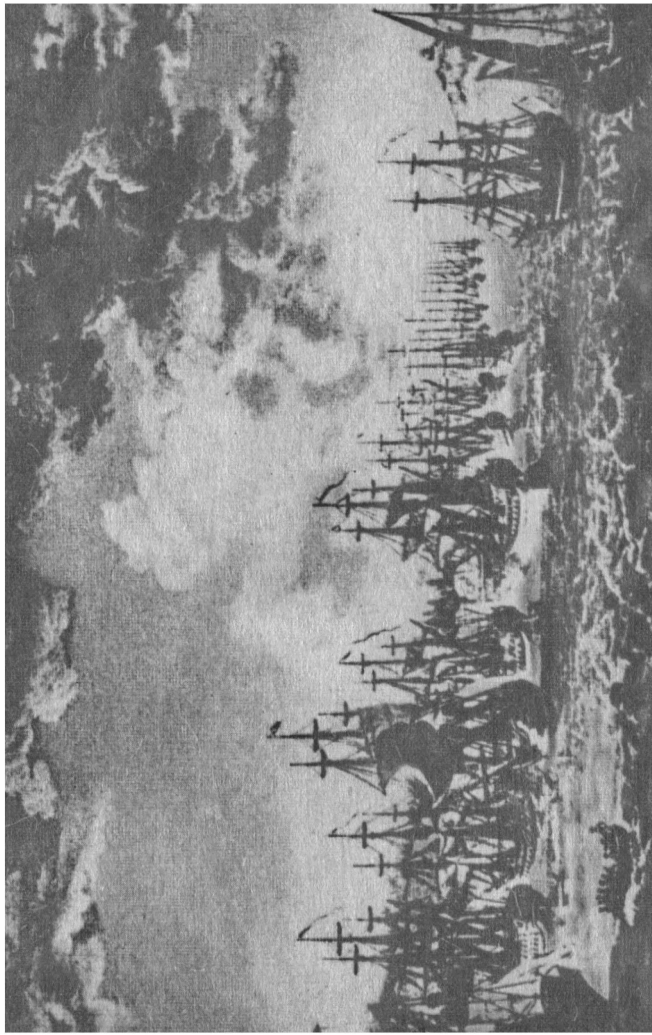

А. В. Суворов и Ф. Ф. Ушаков осматривают Севастопольский порт

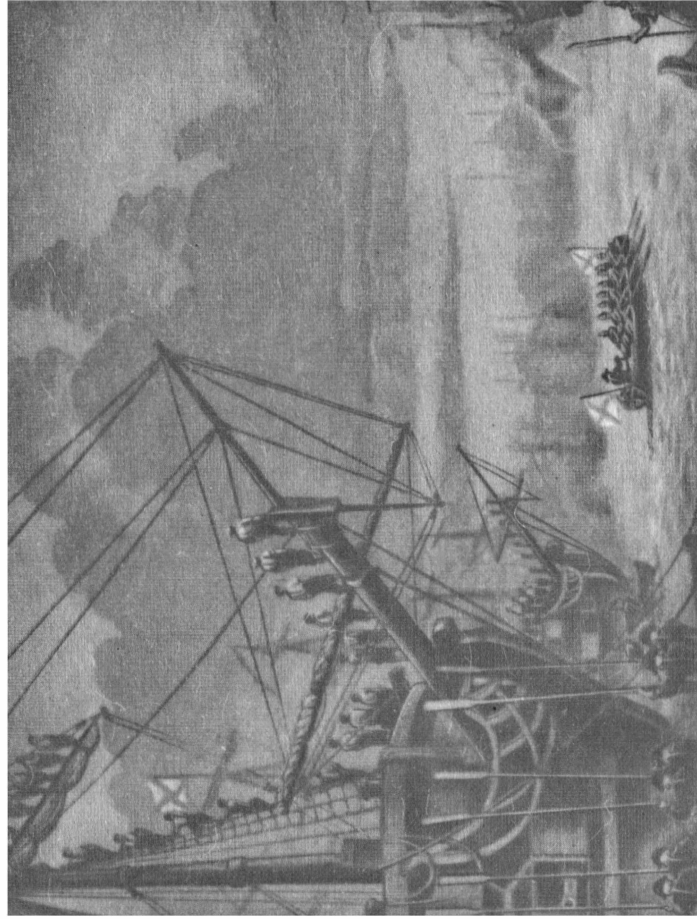
Сражение при Тендре 28 августа 1790 года

Рисунок. Исторический музей. Москва

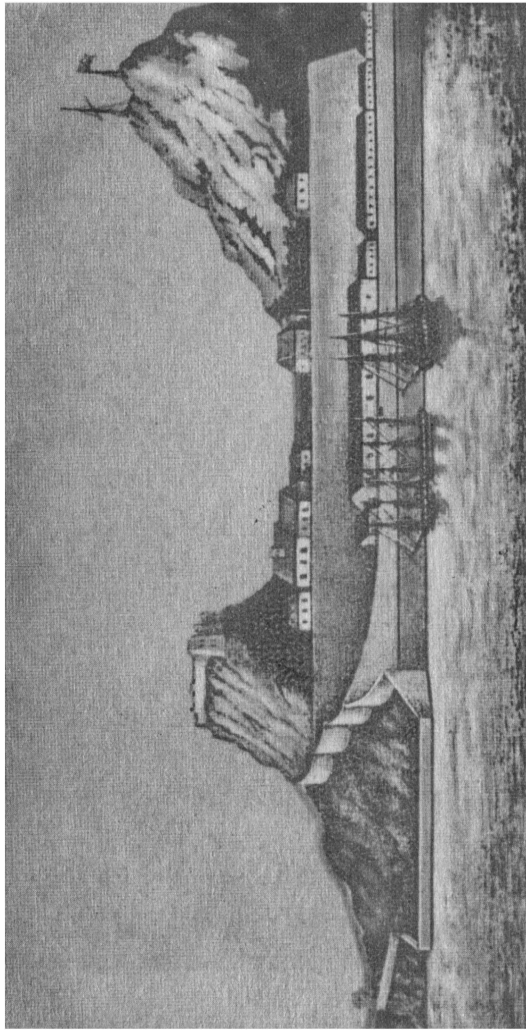
Черноморская эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова вблизи Константинополя

Гравюра. Исторический музей. Москва

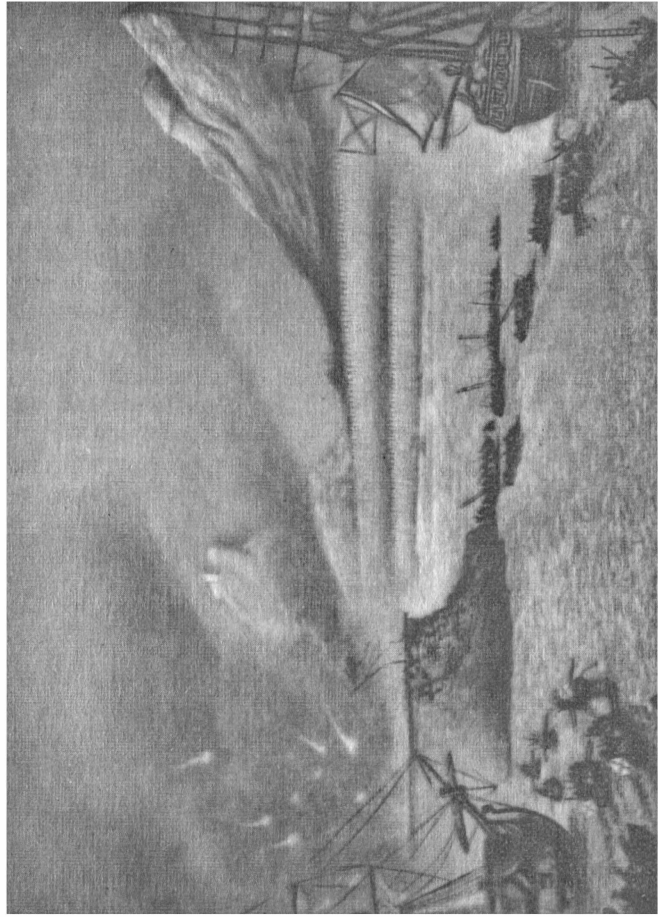
Эскадра Ф. Ф. Ушакова в Стамбуле

С линогравюры В. Бибикова

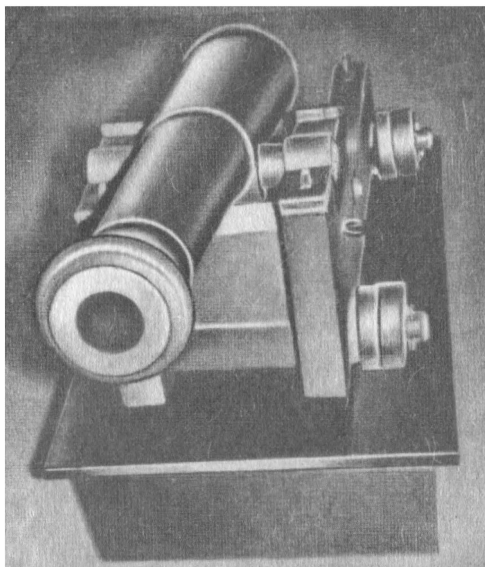
Вид крепости Корфу

Штурм крепости Корфу

С линогравюры В. Бибикова

Французская пушка,
захваченная русскими
моряками на острове
Корфу

Медаль, выбитая в честь ад-
мирала Ф. Ф. Ушакова на
острове Кефалония

Оборотная сторона медали

мовых лестниц и фашин — всему, что необходимо было уметь в сухопутном бою.

И все же собственных сил явно не доставало. И Ушаков вынужден был снова просить войска у Али-паши, к которому ему меньше всего хотелось обращаться. Янинский правитель давал понять, что хочет заполучить хотя бы один из Ионических островов и будущие трофеи — французские пушки и часть судов, стоявших у Корфу. Кроме того, адмирал видел, с какой ненавистью относятся к коварному и жестокому паше греки Корфу и других островов, в какой ужас они приходят при мысли, что с изгнанием французов могут оказаться под его властью. Но обстоятельства диктовали свое.

На этот раз лейтенант Метакса вместе с письмом повез драгоценный подарок — табакерку, усыпанную изумрудами и крупными бриллиантами. Ее прислал для этой цели русский посланник в Стамбуле Томара.

Настойчивый тон письма и подарок возымели действие — Али-паша пообещал выполнить просьбу.

10 февраля посланные к албанскому берегу фрегаты и другие суда доставили в порт Гуино войска. Правда, прибыло не 3000, как было обещано, а около 2500. В те же дни 1750 человек прислали другие паши⁴⁶.

На дальнейшее поступление войск надеяться не приходилось, и Ушаков приступил к последним приготовлениям к штурму. Тем более что были в сборе корабли эскадры: отряд Пустошкина возвратился, не обнаружив французские корабли. По сообщению российского генерал-консула на острове Каламита, французы, узнав, что русские ведут их поиск, с крайней поспешностью повернули обратно в Анкону. Туда они прибыли основательно

---

⁴⁶ См.: Гарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). С. 102.

потрепанные жестоким штормом и сильно поврежденные. Такое сообщение поступило и от посланника Томары.

Воинская обученность присланных войск была крайне низкой. И если адмирал решился на приступ, то только потому, что целиком полагался на своих моряков и морских пехотинцев.

КОРАБЛИ ШТУРМУЮТ БАСТИОНЫ

В полдень 17 февраля 1799 года на флагманский корабль «Св. Павел» были вызваны контр-адмирал П. В. Пустошкин и командиры русских линейных кораблей и фрегатов. Прибыл и Кадыр-бей со своими флагманами. Командующий объединенной эскадрой вице-адмирал Ф. Ф. Ушаков собрал их всех на военный совет. Обсуждался его план предстоящего штурма Корфу. Решение адмирала атаковать Видо с моря и крепостные укрепления на Корфу с суши русские офицеры восприняли одобрительно. Турки же проявили настороженность. «Камень деревом не прошибешь», — приводили они турецкую половицу.

— Да, штурм кораблями крепости, подобной Корфу, в истории войн есть дело небывалое, — ответил на это Ушаков. — Но я полагаюсь на храбрость и отвагу служителей и офицеров эскадры, мне вверенной.

Услышав, что атаковать будут российские корабли, союзники оживились и поддержали дерзкий план⁴⁷. Изложив детали своего замысла, адмирал приказал огласить

---

⁴⁷ См.: Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 207.

подготовленный им приказ и раздать планы с диспозицией судов во время боя, с условными сигналами, которые должны были поступать с флагманского корабля.

В приказе говорилось, что флот атакует Видо: подавив все пять имевшихся на острове батарей, высаживает на него десант. А чтобы неприятель не смог перебросить сюда подкрепление, артиллерия ведет сильный огонь по крепостям и внешним укреплениям. Затем русские матросы и солдаты вместе с отрядами турок и местных жителей идут на штурм внешних укреплений на Корфу.

Четко определялся порядок следования кораблей. В первой, ударной линии шли русские суда и лишь один турецкий фрегат. Начать атаку береговых укреплений на Видо предписывалось фрегатам. Так, 44-пушечный фрегат «Казанская Богородица», следуя головным, должен был на ходу обстрелять первую батарею, а затем стать на якорь и шпринг⁴⁸ таким образом, чтобы одним бортом продолжать вести огонь по батарее, а другим — по военным судам, стоявшим в небольшой бухте. Шедшему за ним фрегату «Св. Николай» надлежало сначала обстреливать эти же цели, а потом, пройдя дальше, — траншеи и другие укрытия. Приблизившись ко второй батарее, стать на якорь, чтобы подавить ее.

Линейные корабли и другие суда, следуя за фрегатами, тоже должны были на ходу вести огонь, а достигнув указанных им батарей, бить по ним, став на якорь и шпринг.

Несколько кораблей было выделено в отдельный отряд. Им надлежало держать под контролем рейд, пре-

---

⁴⁸ Шпринг — растительный трос, который закреплялся одним концом на корме корабля, а другим концом соединялся со станovým якорем. С помощью такого троса можно было поставить судно под любым углом к линии ветра в пределах от 0 до 180°. На шпринг становились также, отдав кормовой якорь или завоза верп (малый якорь).

пятствовать подвозу подкреплений на остров и вести огонь по неприятельским кораблям, находившимся на западной стороне Видо.

Штормы, часто бушевавшие зимой у берегов Корфу, основательно разрушили и разбросали противодесантные сооружения; скреплявшие их цепи во многих местах были порваны, и бревна прибило к берегу. Это облегчало высадку десанта.

Авиз «Панагия Апотуменгана» и шхуна № 1 получили приказ очистить места, куда после подавления батарей должны были подойти гребные суда с десантными войсками и необходимыми средствами для приступа.

Подробные и четкие инструкции получили командиры десантных отрядов. В приказе предусматривались действия в различных ситуациях, но в любых случаях десантникам надлежало наступать стремительно, «стараться овладеть всем островом и отнюдь не замедлять». Десанту вручались специально изготовленные флаги, которые следовало поднимать при овладении батареями и другими укреплениями⁴⁹.

В штурме участвовал и отряд с эскадры Кадыр-бей. Отряды, прибывшие от пашей, должны были действовать в составе русских войск.

Казалось, все уже было обговорено, подготовлено, но вдруг перед днем генерального штурма Ушаков узнает, что большинство войск Али-паши, назначенных в десант, отказывается участвовать в предстоящем сражении. Разгневанный Ушаков отправился к этим войкам на катере в Гуино. Они заявили, что не верят в возможность взять таким малым числом войск сильно защищенный остров Видо и что не умеют драться на море, с кораблей и лодок. Доводы адмирала о реальности полного успеха предстоящего штурма не подействовали. Тогда он, повысив

---

⁴⁹ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 378—380.

голос, стал требовать повиновения, но они почти все разбежались. Осталось лишь несколько офицеров. Они продолжали высказывать свое мнение: «Дело, которое вы предпринимаете, — безнадежное». Ушаков усмехнулся и сказал:

— Ступайте же все на гору у северной нашей батареи и оттуда, сложа руки, смотрите, как я на глазах ваших возьму Видо и Корфу.

Он тут же распорядился после освобождения Корфу в город не пускать ни одного присланного пашами вояки. Это решение командующего вызвало радость у жителей острова, которые как огня боялись разбойничьего войска Али-паши.

Небольшое количество албанских войск, состоявших на службе у турецких паши, согласилось участвовать в штурме, но это не облегчило осложнившегося положения. И все же командующий решил назначенного штурма не отменять.

...Наступило утро 18 февраля 1799 года. Было четверть седьмого, когда солнце вынырнуло из моря, на кораблях подняли флаги и гюйсы. Почти одновременно на «Св. Павле» был поднят сигнал: «Эскадре приготовиться идти атаковать остров Видо!»

На судах вдруг все ожило, пришло в движение. На турецкий фрегат, которому предстояло действовать в первой линии, в помощь команде были направлены русский офицер, обер-лоцман и штурманский ученик.

Батареи на берегу у северных и южных укреплений Корфу, усиленные двумя большими мортирами с острова Св. Мавры, последние два дня почти непрерывно обстреливали крепостные сооружения. Причем артиллерийские офицеры по требованию командующего строго следили за тем, чтобы не нанести вреда городу.

Было начало восьмого, когда на шкафуте Ф. Ф. Ушаков снял треуголку, перекрестился и произнес:

— Ну, с богом!

И тотчас же на «Св. Павле» гулко прогрохотали два выстрела из пушки. Это был сигнал: «Береговым батареям вести сильную пальбу по крепости!»

На острове раздавался артиллерийский гром. Бомбы и ядра точно ложились во вражеских укреплениях. Плотный огонь вели и крепостные пушки. Орудийные залпы сливались в сплошной тяжелый гул. Но вот сигналы с флагманского корабля стали следовать один за другим: фрегат «Казанская Богородица» получил приказ атаковать первую батарею, фрегат «Св. Николай» — вторую, линейный корабль «Богоявление Господне» — третью...

Ушаков, в парадной форме, строгий и сосредоточенный, как и обычно в бою, с первых же минут был полностью захвачен развертывавшимся сражением. По его сигналу фрегаты и линейные корабли один за другим выбрали якоря и становились под паруса. Погода благоприятствовала их действиям. Ветер, до того слабый, словно по команде, стал набирать силу, крепчать, подув в сторону острова. Корабли, придерживаясь предписанного порядка, приближались к Видо одновременно с трех сторон.

Шедший первым фрегат «Казанская Богородица» был встречен сильным огнем. Осыпаемый ядрами, он продолжал движение и, приблизившись на дистанцию картечного выстрела, дал залп всем бортом. Гулкие пушечные раскаты ударились о горы и возвратились приглушенным эхом.

Стреляя, фрегат миновал первую батарею. Теперь предстоял наиболее сложный маневр: под неослабевающим обстрелом быстро стать на якорь и завести шпринг. Экипаж действовал четко, сноровисто. В считанные минуты фрегат повернулся левым бортом к острову и сразу же выплеснул смертоносный металл на неприятеля.

Вступали в бой и другие корабли, подходившие к Видо. «Св. Павел» тоже направился туда в сопровождении

фрегата. Сначала он ударил всем бортом по первой батарее, затем — по второй, самой мощной, миновав которую ловким маневром стал на шпринг всего в кабельтове от берега, и продолжал осыпать французскую артиллерию картечью.

Корабль сотрясаясь от выстрелов тяжелых 36-фунтовых пушек нижнего дека, где, несмотря на застилавший все вокруг пороховой дым, четко и слаженно работали канониры офицеров Томиловского и Копытова. «Усердными и расторопными» показывали себя и артиллеристы верхнего дека под командованием офицеров Асташева и Баранова.

Как и в прежних морских сражениях, ушаковский флагманский корабль сейчас находился там, где было всего труднее.

Вслед за «Св. Павлом» к острову, извергавшему огонь, приблизились «Богоявление Господне», «Симеон и Анна», «Мария Магдалина» и другие корабли. Они тоже становились на якорь и шпринг и открывали огонь.

В это время в южной части острова разгорелся жаркий морской бой. Линейный корабль «Св. Петр» и фрегат «Навархия», составлявшие отдельный отряд под командованием капитана 1 ранга Сенявина, обстреляли пятую батарею и, следуя к проливу, вступили в артиллерийскую перестрелку с линейным кораблем «Леандр» и фрегатом «Ла-Брюн». Бой длился недолго. Получив тяжелые повреждения, французские суда ретировались под защиту крепости. Команда «Леандра», у которого через подводные пробоины стала поступать вода, вынуждена была посадить его на мель.

А на Корфу, не умолкая, били по укреплениям противника береговые батареи. До начала штурма им удалось подавить огонь всех неприятельских пушек, установленных на куртине (крепостной стене) Св. Афанасий, соединяющей старую крепость с новой; в первой из них

бомбами были разрушены казармы и другие строения, в том числе генеральский дом.

Мощная артиллерийская подготовка отвлекала противника от направления главного удара эскадры, нацеленного на Видо, и в то же время она должна была существенно облегчить действия штурмовых отрядов, позволить им избежать больших потерь.

Канонада все более усиливалась. Ядра с берега чертили огненные дуги: французы в начале сражения раскаляли их, стремясь поджечь корабли. Их, однако, хватило лишь на первые залпы. Для такой стрельбы требовалось немало времени. Но и без того огонь неприятеля был сильным. С высокого берега Корфу по судам была и тяжелая крепостная артиллерия. С грохотом рвались пробитые паруса и ванты, трещали поврежденные мачты, реи, стены. Однако таких попаданий было не так много: стреляли французы не очень метко. Возникавшие пожары тушились быстро — на палубах были заранее установлены бочки с водой. Несколько ядер накрыло шлюпку «Св. Павла», подготовленную к высадке десанта. Она пошла ко дну вместе с находившимися на ней десантными пушками и артиллерийскими принадлежностями.

Люди, казалось, не замечали падающих бомб и ядер, в густом пороховом дыму кипела яростная боевая работа. Командующий внимательно следил за развитием сражения, время от времени отдавал стоявшему рядом вахтенному офицеру короткие распоряжения, которые тут же передавались на корабли сигнальщиками подпоручика Зыбкина.

Под плотным огнем эскадры, полукружьем охватившей Видо, находились все пять его батарей. Турецкие суда, располагаясь мористее, били по острову со второй линии, через русские корабли и в интервалах между ними.

Артиллерийская атака, несмотря на ожесточенное противодействие французов, была сокрушительной. Ост-

ров погрузился в огонь и пороховой дым. Как вспоминал очевидец Егор Метакса, непрерывный артиллерийский гром сотрясал все окрестности, на Видо не оставалось не только окопов, но и деревьев, которые бы не были повреждены и посечены «железным градом»⁵⁰.

Но вот огонь французских батарей стал постепенно затихать, а вскоре неприятель, не выдержав сильнейшего обстрела, покинул третью, а затем и вторую батареи, многие пушки которых были повреждены, засыпаны землей. Часть французов отступила на западный берег, пытаясь переправиться на Корфу, остальные заняли заранее подготовленные позиции, залегли в окопах и траншеях.

Ушаков незамедлительно скоординировал начать высадку. Выделенные в десант моряки и «морские солдаты» тут же бросились на стоявшие в готовности баркасы, катера и шлюпки. Гребные суда вышли из-за кораблей и устремились к острову. Одними из первых достигли берега между второй и третьей батареями баркасы «Св. Павла». Отряды под командованием подполковника Скипора, майоров Соколова и Гамена, несмотря на поставленные французами заграждения, высадились быстро и организованно. Побережье Видо сплошь было изрыто траншеями и окопами, и атакующие, оказавшись на берегу, стали забрасывать их всем, что было под рукой, в том числе доставленными с кораблей штурмовыми лестницами и досками, чтобы протопить вперед десантные пушки.

А тем временем к острову продолжали подходить плавсредства. По сигналу адмирала началась высадка и между третьей и четвертой батареями. Среди десантных судов были два баркаса с турецкими войсками.

Еще один десантный отряд с русских кораблей на-

---

⁵⁰ См.: Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 212.

правился к берегу между второй и первой батареями. За короткое время на Видо было высажено 2159 человек.

Большинство французских солдат на батареях погибло от артиллерийского огня кораблей. Оставшиеся в живых, отойдя в глубь острова, организованного сопротивления оказать не могли. В половине двенадцатого Ушаков распорядился дать сигнал: «Всей эскадре прекратить огонь!»

Корабли умолкли, лишь «Богоявление Господне» продолжал стрельбу по стоявшим у крепостных стен «Леандру» и «Ла-Брюну». Преодолевая слабое противодействие неприятеля, десантники с трех сторон двинулись в глубь Видо. Вскоре над второй и третьей батареями появились их сигнальные флаги.

Французов, пытавшихся на гребных судах перейти на Корфу, в проливе встретили огнем «Св. Петр» и «Навархия». Два переполненных баркаса были потоплены. Переправиться удалось лишь небольшой части гарнизона. Оставшиеся на острове солдаты и офицеры, видя безнадежность своего положения, стали сдаваться в плен.

И тут начала было разыгрываться кровавая драма. Турки из состава десанта с кинжалами и ятаганами (кривыми мечами) набрасывались на сдающихся французов, чтобы отрезать им головы, за которые в турецких войсках полагалась плата. И хотя Кадыр-бей, по настоянию Ф. Ф. Ушакова, запретил эту варварскую жестокость и пообещал выдавать вознаграждение только за живого пленного, опьяненные боем турки зверствовали. Тогда русские моряки окружили несчастных французов плотным кольцом и отконвоировали их на корабли. Храбрость российских воинов была неотделима от великодушия к поверженному противнику.

В полдень лейтенанты Головачев и Томиловский доставили к Ушакову плененного на Видо коменданта острова генерала Пиврона и нескольких офицеров штаба.

Генерала нашли спрятавшимся в перевернутой бочке. Увидев русских офицеров, он бросился к ним, умоляя спасти от лютой турок.

Около часа дня и над первой батареей появился сигнальный флаг. Теперь остров полностью находился в руках десанта.

Из восьмисот солдат и офицеров гарнизона острова только в плен было взято 243 человека. Русская эскадра потеряла убитыми 9 человек и ранеными 28, турецкая — 8 убитыми и 7 ранеными⁵¹.

Одновременно с атакой кораблями Видо начался общий штурм крепости Корфу. Первый приступ французы отбили: турки отказались участвовать в нем, русских же войск оказалось недостаточно. Тогда на помощь морякам, сосредоточенным у форта Сан-Сальвадоре, наиболее мощного внешнего укрепления, Ушаков бросил подкрепление. С линейного корабля «Св. Троица», фрегата «Соединение св. Духа», шебеки «Макарий» и аката «Св. Ирина» был высажен десант.

И снова заговорили береговые батареи, а когда они умолкли, войска бросились на штурм.

Форт Сан-Сальвадоре штурмовал десантный отряд под командованием бесстрашного капитана Кикина. Около пятисот моряков и морских гренадеров, к которым присоединились пятнадцать албанцев, под плотным ружейным огнем противника при помощи штурмовых лестниц и фашин преодолевали рвы и другие препятствия. Овладев передовыми укреплениями, они на плечах отступавшего неприятеля ворвались в форт.

Одновременно более 270 морских пехотинцев, матросов и артиллеристов, а также 136 ранее нанятых Ушаковым на службу албанцев под командованием капитана Дмитриева атаковали укрепления с северной стороны. В ожесточенной схватке им удалось захватить мощ-

---

⁵¹ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 429.

ный редут Сан-Роно. Противник отступил здесь так поспешно, что не успел заклепать пушки.

Теперь береговые батареи и артиллерия захваченных фортов обрушили огонь на остальные наружные укрепления. Последовавшие затем атаки тоже увенчались успехом — и над этими сооружениями взвились флаги победителей.

Такое развитие событий ошеломило французов, сломило их боевой дух. Ранним утром 19 февраля к флагманскому кораблю «Св. Павел» подошла шлюпка с французскими парламентарями: В сопровождении двух офицеров на борт поднялся адъютант генерала Шабо. Его провели в каюту вице-адмирала Ушакова.

— Имею честь передать письмо французского командования! — доложил он.

В письме главного комиссара Директории дивизионного генерала Дюбуа и главнокомандующего французскими силами коменданта крепости генерала Шабо говорилось: «Господин адмирал! Мы полагаем, что бесполезно подвергать опасности жизнь нескольких сотен храбрых русских, турецких и французских солдат в борьбе за овладение Корфу. Вследствие этого мы предлагаем вам перемирие на срок, который вы найдете нужным для установления условий сдачи этой крепости. Мы предлагаем вам сообщить нам ваши намерения по этому поводу, чтобы прекратить пролитие крови...»⁵²

Неприступная крепость сдавалась на милость победителя.

Ушаков, прочитав письмо, приказал дать сигнал о прекращении стрельбы. В ответном письме он сообщал, что распорядился прекратить военные действия на 24 часа.

В 17 часов в крепость был направлен адъютант адмирала лейтенант Балабин с основными условиями сдачи

---

⁵² Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 381.

крепости. На следующий день, 20 февраля 1799 года акт капитуляции французского гарнизона Корфу был подписан. В нем говорилось, что русским и турецким представителям передаются «крепость, форты Корфу с артиллерией, военным снаряжением, продовольствием, материалами и другими предметами общественного пользования», а также линейный корабль «Леандр», фрегат «Ла-Брюн» и другие суда. Определялся порядок сдачи гарнизона. Предусматривалось, что через день после подписания капитуляции он выйдет из крепости, с соблюдением воинских почестей передаст знамена и все, кроме генералов и офицерских чинов, сложат оружие. Соединенная эскадра брала обязательство за свой счет переправить пленных с их частной собственностью в порт Тулон под честное слово, что они в течение 18 месяцев не будут братья за оружие против России, Турции и их союзников. Больные и раненые французы получали возможность задержаться для лечения в госпитале на Корфу.

Командование объединенной эскадры гарантировало, что жители острова, к какой бы религии и национальности ни принадлежали, не будут «подвергаться никаким преследованиям, притеснениям и оскорблениям»⁵³.

Благородство, гуманность, доброжелательность — эти качества были неотъемлемой чертой Ф. Ф. Ушакова, человека внешне казавшегося суровым, малообщительным, каким рисуют его современники.

Утром 22 февраля объединенная эскадра вошла в пролив между Видо и Корфу и стала на якорь, растянувшись в линию перед мрачными стенами умолкнувшей крепости. Баркасы доставили с русских кораблей на берег специальную команду моряков и морских пехотинцев во главе с капитаном 1 ранга И. И. Юхариным. Им

---

⁵³ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 382—384.

предстояло разоружить гарнизон и занять все укрепления.

В полдень из крепости вышли колонны французских войск. Остановившись напротив выстроившихся во фронт русских моряков, французы положили к ногам победителей свои знамена и ружья. Над новой и старой крепостями, над фортами и на мачтах стоявших на рейде призовых судов взвились российские и турецкие флаги. Над бухтой прозвучал торжественный салют из корабельных орудий.

Специально выделенный гарнизон из состава русских войск вступил в крепость. Турки по решению Ушакова остались за ее стенами.

Разоружившиеся французские войска были возвращены в крепость. Всего на Корфу было взято в плен 2931 человек, в том числе генеральный комиссар Французской республики Дюбуа. Русские потеряли убитыми и ранеными около 100 человек, а турки и того меньше⁵⁴. Столь небольшой урон, понесенный при взятии мощной, считавшейся неприступной крепости, объясняется умелой организацией штурма. Неприятельская артиллерия еще до начала атаки была подавлена сильным огнем кораблей и береговых батарей. Завершилось дело решительными и умелыми действиями российских моряков и «морских солдат» при штурме укреплений.

16 марта в сопровождении военных кораблей в Тулон направился отряд из девяти купеческих судов, нанятых для перевозки пленных французских солдат и офицеров. А спустя несколько дней были отправлены в Анкону главный комиссар Дюбуа и генерал Шабо со своим штабом.

Победителям достались значительные трофеи. На Корфу оказалось свыше 600 различных орудий, «ружей годных — 5495, бомб разного калибра чиненых — 545,

---

⁵⁴ См.: Ф., Ф., Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 386, 426.

печиненых — 36 849, гранат чиненых — 2116, нечине-
ных — 209... ядер чугунных разных калибров—137 000,
кнепелей — 12 708, пуль свинцовых ружейных—132 000,
пороху разных сортов — 3060 пудов, пшеницы немоло-
той в разных магазинах — до 2500 четвертей», большое
количество добротного леса, пригодного для ремонта ко-
раблей, а также несколько судов⁵⁵.

Фрегат «Ла-Брюн» по соглашению командующих эс-
кадр был передан туркам, а линейный корабль «Леандр»
достался российской эскадре⁵⁶.

С падением Корфу завершилось освобождение Иони-
ческих островов. Французы потерпели поражение в од-
ном из важнейших стратегических районов Средиземно-
морья.

Взятие Корфу, мощнейшей по тем временам крепо-
сти во всей Европе, лишь силами флота явилось невидан-
ным ранее событием. Оно вошло в историю русского
военно-морского искусства одной из самых ярких стра-
ниц. Ушаков в донесении императору отмечал, что доб-
лестно действовали все русские моряки. Но с особым
блеском проявились флотоводческий талант и новатор-
ство адмирала. Единственно верными были его решения
в организации штурма Видо и Корфу, в распределении
сил, налаживании взаимодействия корабельной артилле-
рии и десантных отрядов. Примененная им тактика рас-
ходилась с установившимися в то время взглядами на
использование флотов. Обычно при взятии приморских
крепостей роль флота ограничивалась блокадой с моря.
На такие осадные действия затрачивалось немало вре-
мени. Так называемая Великая осада с моря и с суши
Гибралтара франко-испанскими войсками в 1779—1783
годах длилась целых четыре года, но так и не увенча-

---

⁵⁵ См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 426, 461.

⁵⁶ «Леандр» через некоторое время был возвращен англича-
нам, которые вы платили за него России 8 тысяч фунтов стерлин-
гов.

лась успехом. Ушакову на овладение Ионическими островами с их крепостями потребовалось всего лишь три месяца. Причем он располагал крайне ограниченными ресурсами, флот действовал в большом удалении от своих баз. Российский посланник при Оттоманской Порте В. С. Томара, с которым Ушаков поддерживал связь, а через него — с Петербургом, в своем поздравительном послании подчеркивал, что этот «знаменитый воинский подвиг» совершен «без армии, без артиллерии и, что больше, без хлеба»⁵⁷.

Победа объединенной эскадры имела немалое значение в общей борьбе союзников с Директорией. Она вызвала в Европе и восхищение, и удивление. «От всей души» поздравил Ф. Ф. Ушакова с успехом «оружия верного союзника» Нельсон. Но английский адмирал лукавил: удачи Ушакова не радовали, а скорее раздражали его. Он все еще безрезультатно осаждал крепость Ла-Валлетта на Мальте (для ее взятия англичанам понадобится более года). Как уже отмечалось, Нельсон всячески старался отвлечь Ушакова от Ионических островов, раздробить его эскадру, направить ее основные силы для блокады Александрии и Анконы. Делал он это с далеко идущей целью — распространить сферу влияния Англии и на этот архипелаг. Однако этому его замыслу не суждено было тогда сбыться.

С восторгом встретили победу объединенной эскадры в Турции. Блистательная Порта, отмечалось в письме верховного визиря Юсуф-Зия-паши Ф. Ф. Ушакову, «не лицемерно ставит вас в число славнейших адмиралов в Европе». Султан наградил русского адмирала табакеркой в алмазах. Кроме того, он прислал с нарочным курьером богатый челенг — алмазное перо, считавшееся высшим знаком отличия в Оттоманской империи, соболью шубу

---

⁵⁷ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 465.

и 1000 червонных, а для раздачи служителям российской эскадры — 3500 червонцев.

Сдержанно оценил замечательную победу русских моряков петербургский двор. За взятие Корфу Павел I произвел Ф. Ф. Ушакова в адмиралы. Были повышены в званиях и многие офицеры. По ходатайству Ушакова император отметил и Кадыр-бея — пожаловал турецкому адмиралу табакерку, украшенную бриллиантами. Однако на ордена он поспешил. На этот раз участники похода ими почти не были отмечены, в то время как за взятие острова Цериги и других островов многие офицеры получили орден Анны II и III степени (класса). Прислал тогда Павел I и триста знаков ордена Святой Анны для награждения нижних чинов, что было событием необычным: прежде так их не отличали. Сам адмирал тогда был удостоен бриллиантового знака ордена Александра Невского и командорского креста ордена Иоанна Иерусалимского.

Глубоко взволновали Ушакова и всех моряков эскадры слова приветствия А. В. Суворова, находившегося во главе русских войск на севере Италии: «Великий Петр наш жив! Что он, по разбитии в 1714 году шведского флота при Аландских островах, произнес, а именно: природа произвела Россию только одну: она соперницы не имеет, то и теперь мы видим. Ура! Русскому флоту!.. Я теперь говорю самому себе: зачем не был я при Корфу, хотя мичманом!»⁵⁸

Восторженно встречали своих освободителей жители города Корфу. Когда адмирал Ушаков сошел на берег, чтобы направиться в соборную церковь на молебен, узкие улицы и площади были заполнены многотысячной толпой. Весь город вышел встречать русских моряков. Воздух наполнился торжественным колокольным перезвоном, грохотом беспрерывной ружейной пальбы.

---

⁵⁸ Цит. по: Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). С. 117—118.

Свидетель тех торжественных событий лейтенант **Метакса** так описывает эту встречу: «...казалось, что жители целого острова сошлись в одном месте. На всех окнах спущены были концы шелковых тканей, богатых ковров и других материй; всюду белели андреевские флаги. Белые платки с выкрашенными или нашитыми на них синими крестами развевались в руках или на шестах... Радость греков была неопишима...»⁵⁹

Население Ионических островов горячо благодарило российских моряков за освобождение, за обретенную национальную независимость.

---

⁵⁹ Записки флота капитан-лейтенанта Егора Метаксы. С. 220.

РЕСПУБЛИКА СЕМИ СОЕДИНЕННЫХ ОСТРОВОВ

С освобождением Ионического архипелага перед Ф. Ф. Ушаковым встала новая, необычная и потому особенно сложная задача. Ему, флотоводцу, по воле сложившихся обстоятельств пришлось заняться и организацией самоуправления островов, помочь населению в создании местных и центральных органов власти. Речь шла о рождении нового государства на древней земле, где много веков господствовала иноземная власть, подавлявшая всякую попытку национального возрождения. Примечательно, что и в этом трудном деле, как и во взаимоотношениях с турками и англичанами, адмирал проявил незаурядные политические и дипломатические способности, государственную мудрость и мышление. При этом он руководствовался прежде всего военными и политическими интересами России в Восточном Средиземноморье. Вместе с тем из дошедших до нас материалов и документов видно, как близко к сердцу воспринял он судьбу ионических греков. Позднее Ушаков не без гордости писал, что «имел щастие освободить... острова от неприятелей, устанавливать правительство и содержать в них мир, согласие, тишину и спокойствие...»⁶⁰.

⁶⁰ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. М., 1956. Т. 3. С. 461.

Внутренняя обстановка на архипелаге складывалась сложной, и действовать Ушакову приходилось в условиях острых разногласий различных групп и сословий местного населения. Наследственное дворянство, составлявшее первый класс, стремилось восстановить свое бывшее неограниченное политическое господство, каким оно обладало прежде, до военных событий 1797—1799 годов. Дворяне (нобилы) добивались возмещения убытков, которые нанесли им крестьяне в этот период, и рассчитывали в борьбе с «бунтующей чернью» на помощь монархической России. Но и противоборствующая сторона — крестьянство, выступавшее против феодальных порядков, была настроена решительно.

Активизировался также второй класс — набравшая силу буржуазная прослойка, к которой относились купцы, судо- и домовладельцы, лекари, различные служащие. Пользуясь поддержкой простого люда, они все настойчивее требовали права участия в политической жизни.

Ушаков понимал, что борьба между крестьянами и дворянами может привести к общественному взрыву, гражданской войне на островах. Это создало бы неблагоприятные условия для использования российским флотом ионических портов в продолжавшейся войне с Францией и вообще осложнило бы осуществление балканской политики России. И адмирал всячески старался предотвратить такое развитие событий. Уже на следующий день после овладения крепостью Корфу он и Кадыр-бей выпустили прокламацию, в которой сообщалось, что жители всех сословий получают полную и общую амнистию и гарантию уважения религии, собственности и прав личности. В ней содержался призыв к прекращению внутренней борьбы и восстановлению спокойствия⁶¹.

---

⁶¹ См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции, 1798—1800 гг. С. 132.

При непосредственном участии Ушакова депутатами Сената, избранного в мае 1799 года, был разработан Проект организации управления Республики Ионических островов. По существу, это был первоначальный проект конституции Республики Соединенных Островов⁶². В этом документе определялись политические права населения, местные и центральные органы управления, их компетенции и другие основополагающие положения.

Право избирать и быть избранными в органы власти получали не только дворяне, но и наиболее состоятельные представители второго класса, что раньше не имело здесь прецедента.

На каждом острове создавался Генеральный (Главный) совет, выбиравший депутатов Сената (Большого совета) Республики.

Население островов выбирало также малые советы, которым поручалась организация администрации и суда. Они тоже состояли из представителей первого и второго классов. Лишь на Корфу ассамблея глав дворянских фамилий избрала в такой совет одних нобилей. Любопытно, что в их числе был А. Каподистрия — отец будущего президента Греции И. Каподистрии, которого избрали на этот пост в ходе греческой национально-освободительной революции 1821—1829 годов⁶³.

Учреждавшийся в качестве верховного органа Республики, Сенат семи островов, или Большой совет, был призван рассматривать и решать вопросы, затрагивающие общие интересы населения всего архипелага, осуществлять надзор за деятельностью судов и органов самоуправления на местах. Устанавливавшиеся нормы представительства в основном соответствовали количеству населения островов. Сенат состоял из 15 человек (14 сенато-

---

⁶² См.: Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 520—526.

⁶³ См.: Станиславская А. М. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798—1800 гг. С. 137.

ров и президента). Первым президентом Республики по рекомендации адмирала Ушакова был избран А. Орио, который сыграл заметную роль в освобождении острова Св. Мавры и пользовался большой популярностью среди населения.

Большинство в Сенате принадлежало сословному дворянству, представители второго класса имели всего четыре-пять мест. И все же такой его состав для того времени был необычным: Ушаков практически предпринял попытку привлечь к управлению Республикой делегатов и от торгово-ремесленного сословия, расширить тем самым социальную базу рождавшегося государства в Восточном Средиземноморье. Понятно, ему приходилось учитывать обстоятельства, сложившиеся на островах, социальный состав населения и то, что за время правления Франции определенные изменения произошли как в общественных отношениях людей, так и в их сознании. Но не последнюю роль сыграли и личные качества Федора Федоровича. Будучи человеком слова, чести и справедливости, он твердо выполнял данное ионическим грекам обещание предоставить населению самоуправление.

Конечно, Проект, утвержденный Ушаковым, не до конца был демократичен: он не предоставлял политических прав тем, кто не отвечал условиям о цензах, — крестьянам и бедной части ремесленников, составлявшим большую часть населения островов. В целом же он носил прогрессивный характер, утверждал республиканскую форму правления на островах, обеспечивал их государственную независимость. Однако не все его положения, разработанные при непосредственном участии русского флотоводца, нашли отражение в окончательном тексте документа, известного как Венецианская конституция, которая была одобрена Константинопольской конвенцией России и Турции в марте 1800 года. Ушаков, возвратившись перед тем из длительного боевого плавания у берегов Италии, в течение нескольких месяцев вел упор-

ную борьбу за спасение Проекта, отстаивал свои положения, но многого добиться не смог.

Ионические острова получили статус полунезависимого государства. Формально оно находилось под верховной властью султана, под протекторатом России и Турции, но было автономно во внутренних делах, имело собственную конституцию. Все это позволяло оградить архипелаг от посягательств Англии, Австрии и Турции, каждая из которых стремилась прибрать его к своим рукам.

Республика Семи Соединенных Островов являлась оплотом русской политики и русской торговли в Восточном Средиземноморье и на Западных Балканах вплоть до 1807 года, когда по Тильзитскому договору острова Ионии опять оказались под пятой Франции. После подписания этого мирного договора конституция практически была упразднена, и управление архипелагом снова перешло к французским военным властям.

У БЕРЕГОВ ИТАЛИИ

С завершением освобождения Ионических островов началась новая страница средиземноморской эпопеи черноморских моряков. Действия эскадры Ф. Ф. Ушакова переместились к берегам Италии.

К этому времени сложилась вторая антифранцузская коалиция монархических государств ради «восстановления престолов и алтарей», как определил ее цель Павел I. В нее вошли Россия, Англия, Турция и Австрия.

Свою первостепенную задачу коалиция видела в изгнании из Италии французов и восстановлении там монархии. Однако она на севере Италии терпела одно поражение за другим. Тогда России пришлось направить туда свою армию под водительством А. В. Суворова. Русский фельдмаршал, слава которого гремела по всей Европе, по просьбе императора Австрии возглавил также австрийские войска.

Понадобилась в Италии и помощь ушаковской эскадры. Между тем после взятия Корфу адмиралу предстояло решить немало сложных проблем. Экипажи кораблей изрядно устали. Уже более полугода они находились в отрыве от Севастополя, суда нуждались в ремонте, не

раз они попадали в жестокие штормы, а некоторые из них получили повреждения и при взятии Корфу. Надо было также позаботиться о снабжении эскадры всем необходимым, о восстановлении разрушенных во время штурма укреплений крепости, об устройстве управления островами.

При этом трудностей было немало. Ушакова особенно угнетало отвратительное обеспечение. Одежда моряков поизносилась, они часто голодали. И Петербург, и Константинополь с удовлетворением воспринимали известия о замечательных победах эскадры, но их мало заботило ее бедственное положение. Продовольствие из турецких владений поступало нерегулярно, к тому же оно часто оказывалось непригодным к употреблению. Участились случаи заболевания и даже смерти среди личного состава. «...Мы не желаем никакого вознаграждения, — писал адмирал в Константинополь В. С. Томаре, — кроме, хотя бы довольствованы были провиантом, порционными и жалованием, как следует, и чтобы служители наши, столь верно и ревностно служащие, не были бы больные и не умирали бы с голоду, мы и тем одним были бы довольны; к тому корабли наши было бы чем исправить и чтобы мы не могли иметь уныния от напрасной стоянки и невозможностей действовать...»⁶⁴

Между тем от Ушакова все настойчивее требовали ускорить переход в итальянские воды. В декабре 1798 года король неаполитанский (обеих Сицилий) Фердинанд IV, ободренный первыми успехами войск и флота коалиции и прибытием в Средиземноморье эскадры Ушакова, не без подсказки Нельсона решил выступить против французских войск. Его тридцатитысячная армия двинулась к Риму, где французский гарнизон насчитывал всего пятнадцать тысяч солдат и офицеров. Неаполитанское войско, не отличавшееся высокой обученно-

---

⁶⁴ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 2. С. 451.

стью, после первых же боев с хорошо организованными и храбрыми войсками противника рассыпалось. Фердинанд IV, лишившись армии, бежал на корабле Нельсона на Сицилию, в Палермо.

Король молил о помощи своего союзника и «защитника престолов» Павла I. Нельсон, в свою очередь, обращался к английскому послу в Петербурге, чтобы тот добивался присылки эскадры Ушакова с десантными войсками на выручку «доброму» неаполитанскому монарху. Заметим, что этот «добрый» король был жестоким и в то же время до неприличия трусливым человеком. Но еще большей жестокостью к французам и неаполитанским «якобинцам» отличалась королева Каролина. Она яростно мстила за гильотированную республиканцами сестру — французскую королеву Марию-Антуанетту.

Нельсон обращался с письмами и к Ушакову. Он добивался прибытия русской эскадры к Сицилии прежде всего потому, что боялся ее появления у Мальты, где вот уже столько месяцев английские войска и флот, блокировавшие крепость Ла-Валетта, никак не могли одолеть французский гарнизон. А на Мальту имел виды и Павел I, избранный великим магистром Мальтийского ордена. После захвата острова Францией он принял на себя покровительство над Орденом, стремясь усилить свое влияние в центральном районе Средиземноморья.

29 марта из Палермо в Корфу на английском фрегате прибыл специальный уполномоченный неаполитанского двора министр Мишеру. Он доставил Ушакову письмо короля, настоятельно просившего прислать отряд судов, чтобы освободить Неаполитанское королевство.

Вслед за подобным посланием из Вены поступило указание из Петербурга о выделении части эскадры для действий в Адриатическом море. Затем Ушаков получил именной указ Павла I, в котором предписывалось пресечь плавание французских судов по всему Адриатиче-

скому морю и не допускать высадки неприятельских десантных войск на побережье союзных держав.

А. В. Суворов, развернувший успешные наступательные действия в Ломбардии и Пьемонте, в своем письме поддержал просьбу австрийцев — направить корабли в Венецианский залив. Отвечая ему 28 апреля, адмирал сообщал, что посылает эскадру под командованием контр-адмирала П. В. Пустошкина, которая «обезопасит все места в Венецианском заливе от кораблей и крейсеров и будет помогать во взятии Анконы и нанести всякий вред неприятелю...»⁶⁵ В эскадру вошли корабли «Св. Михаил» и «Симеон и Анна», два фрегата, два небольших судна и турецкий отряд такого же состава.

Отряд из нескольких фрегатов под командованием капитана 2 ранга А. А. Сорокина отправился к восточному побережью Южной Италии. Двигаясь вдоль берега на север и при этом легко восстанавливая в прибрежной местности королевскую власть, Сорокин 8 мая прибыл в порт Манфредония. Здесь корабли тоже беспрепятственно высадили десант численностью более 500 человек с шестью орудиями. Возглавлял отряд капитан 2 ранга Г. Г. Белли (Белле) — командир фрегата «Счастливый», участник всех морских сражений, данных Ушаковым на Черном море, награжденный орденом Св. Анны II степени за доблесть, проявленную при взятии островов Цериго, Занте, Корфу.

Десант, покинув Манфредонию, начал поход через весь Апеннинский полуостров к Неаполю — столице Неаполитанского королевства. Он двигался, не встречая сильного сопротивления противника. Основные силы 28-тысячной французской армии генерала Макдональда были двинуты из Южной и Центральной Италии на север — навстречу войскам Суворова, а здесь оставались лишь

---

⁶⁵ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 3. С. 3.

гарнизоны в крепостях да отряды местных республиканцев, примкнувших к французам.

Сравнительно небольшой отряд русских моряков, пересекая полуостров с востока на запад, в течение трех недель без потерь освободил большую часть королевств. Соединившись с восьмидесячным королевским войском, возглавляемым кардиналом Ф. Руффо, он в начале июня вышел на подступы к Неаполю, где находились главные силы неаполитанских республиканцев и крупный французский гарнизон. Выдержав здесь жаркий бой и захватив шесть неприятельских пушек, моряки в тот же день штурмом взяли две небольшие прибрежные крепости и вошли в город.

Королевское войско состояло из поборников «святой веры» и не отличалось боеспособностью. Вскоре же это незадачливое воинство пришлось выручать. Около тысячи республиканцев предприняли внезапную атаку, и «армия веры» стала в панике отступать. На помощь ему подошел посланный Белли отряд из 125 человек. Русские ударили в штыки, и неприятель, не выдержав стремительной атаки, бежал. Шестидесять человек попали в плен, было также захвачено пять пушек, 25 лошадей и знамя.

Отряд Белли был вынужден не только вести бой, но и сдерживать кровавое буйство «армии» Руффо и предававшихся ярости жителей, которые жестоко расправлялись с республиканцами, занимались грабежами, творили беспорядки. Министр неаполитанского двора Мишеру, сопровождавший русский отряд, в те дни писал, что российские моряки тем самым «заставили все население обожать их». Вели себя они отважно и благородно, стремясь к скорейшему прекращению кровопролития.

После того как по настоянию русских кардинал Руффо заключил с французами и республиканцами перемирие, были разработаны условия капитуляции — столь

же почетные, как и при сдаче французских гарнизонов на Ионических островах.

Французам предлагалось выйти из замков с воинскими почестями и сложить оружие, затем их должны были отправить в ближайший порт Франции Тулон. Итальянским республиканцам, находившимся в укреплениях вместе с французами, гарантировалась личная безопасность. При желании они могли покинуть Неаполь и уйти на судах вместе с французами.

Под этим документом поставили подписи кардинал Руффо и представителем русской, турецкой и английской эскадр. Однако прибывший 12 июня в Неаполь со своей эскадрой Нельсон нашел условия капитуляции слишком мягкими. Он ненавидел французских и неаполитанских «якобинцев» так же яростно, как и королева Каролина со своей ближайшей подругой, женой английского посланника в Неаполитанском королевстве Эмми Гамильтон, возлюбленной английского адмирала.

Подписанную капитуляцию Нельсон не признал. Между тем французы и неаполитанские республиканцы уже покинули укрепления и сложили оружие. Часть их находилась на транспортах, готовых к отплытию. По распоряжению адмирала они тут же были схвачены и препровождены в тюрьмы. С его благословения снова начался кровавый разгул насилия, длившийся несколько недель. Капитулировавших республиканцев озверевшие толпы роялистов расстреливали картечью, рвали на части, сжигали живьем на кострах, топили в заливе. Наскоро созданные королевским правительством суды выносили почти во всех случаях смертные приговоры.

В этом монархическом терроре опозорил свое имя и английский флотоводец. Он тоже принял участие в беспощадной расправе с республиканцами. Известен такой факт. Леди Гамильтон и королеве Каролине захотелось посмотреть, как вешают «якобинцев». Угождая их прихоти, Нельсон приказал казнить командующего флотом

республиканцев Карагиолло (Карачиоли), которому даже королевский суд сохранил жизнь, приговорив его к пожизненному заключению. После повторного короткого, формального суда, состоявшегося на английском флагманском корабле, престарелый адмирал тут же был повешен на рее.

Русские же моряки вели себя достойно. И хотя участие войск России в Итальянской кампании в основе своей тоже не было прогрессивным делом, они, однако, предпринимали все возможное, чтобы защитить жертвы кровавого разгула. По свидетельству очевидцев, ушаковцы укрывали французов и местных республиканцев в своем расположении, добивались помилования осужденных, не выдавали пленных на расправу. Кстати, им удалось спасти итальянского композитора Доменико Чимарозу, написавшего музыку для гимна Партенопейской республики.

Поход русских моряков в Неаполь оставил добрую память у итальянцев. «Конечно, не было другого примера подобного события: одни лишь русские войска могли совершить такое чудо, — свидетельствовал министр Мишеру. — Какая храбрость! Какая дисциплина! Какие кроткие, любезные нравы! Здесь боготворят их, и память о русских останется в нашем отечестве на вечные времена»⁶⁶.

Тем временем успешно развертывала действия в Адриатическом море и эскадра контр-адмирала П. В. Пустошкина. Оказывая помощь А. В. Суворову, она блокировала порт и довольно сильную крепость Анкону, господствовала на море, обеспечивая безопасность движения союзных судов. А высаженный ею на берег десантный отряд при поддержке фрегата и малых судов неподалеку

---

⁶⁶ Тарле Е. В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.). С. 176,

от Анконы взял ряд укрепленных населенных пунктов, в том числе крепости Фано и Сенигалия.

Пустошкин начал подготовку к штурму Анконы, но получил распоряжение адмирала Ушакова немедленно возвратиться в Корфу для соединения с основными силами эскадры. Отозван был и отряд фрегатов капитана 2 ранга Сорокина.

Это решение Ушакова было вызвано новой просьбой Нельсона. По данным англичан, через Гибралтар в Средиземное море проследовала мощная французская эскадра. Чтобы противостоять ей, английский адмирал предложил объединить силы.

Пополнив запасы провизии и воды, русско-турецкая эскадра 24 июля 1799 года покинула рейд Корфу и направилась к острову Сицилия. В ионических портах остались ее небольшие силы. В гавани Гуано ремонтировались «Богоявление Господне» и «Св. Троица», которые находились в таком состоянии, что без «большого исправления» не могли дойти до Севастополя, куда должны были отправиться после устранения повреждений.

3 августа эскадра Ушакова прибыла к Сицилии, в Мессину. Однако к этому времени стало известно, что французская эскадра уже покинула Средиземное море.

Сюда, в Мессину, доставили Федору Федоровичу письмо А. В. Суворова. Фельдмаршал сообщал, что выступил в поход на Геную, и просил блокировать ее с моря.

Боевые действия эскадры Ушакова у берегов Италии теперь во многом определялись планом Суворова, предусматривавшим наступление на Геную и Ниццу с последующим развертыванием операций на территории Франции.

Выполняя просьбу фельдмаршала, Ушаков 19 августа послал к Генуе контр-адмирала П. В. Пустошкина с линейными кораблями «Св. Михаил» и «Симеон и Анна» и двумя малыми судами. Ранее пять фрегатов (из них два турецких) и бригантина под командованием капита-

на 2 ранга Н. Д. Войновича направились для блокирования Анконы и крейсерства в Венецианском заливе.

21 августа эскадра адмирала Ушакова вошла в бухту Палермо. Первое, что увидели моряки на рейде, — военные суда с развевающимися белыми с голубыми полосками накрест андреевскими флагами: линейные корабли «Исидор», «Азия» и «Победа», фрегат «Поспешный». Это был отряд вице-адмирала П. К. Карцова, прибывший с Балтики для усиления русской эскадры. А в другом конце бухты среди английских и неаполитанских судов возвышался 84-пушечный «Фудройане» — флагманский корабль контр-адмирала Нельсона.

Вскоре Карцов был на борту «Св. Павла». Он доложил о прибытии в распоряжение Ушакова и с огорчением рассказал, что из-за плохого снабжения провизией в пути многие матросы заболели цингой.

В Палермо впервые встретились два выдающихся флотоводца XVIII века. Английский адмирал нанес визит Ушакову в связи с благополучным прибытием русско-турецкой эскадры. Маленького роста, суховатый, с резкими, нервными движениями, он, Нельсон, заметно отличался от плотно сбитого Ушакова, в неспешности движений которого чувствовались внутренняя сила и твердость.

Резко различались они и духовно. Горацио Нельсон, талантливый адмирал, человек отчаянной храбрости, вместе с тем не имел тех высоких моральных качеств, какие были присущи Федору Федоровичу Ушакову, не менее талантливому и храброму флотоводцу. Ему, Нельсону, совершенно было чуждо чувство благородства, великодушия к поверженному противнику. Ушаков же, наоборот, отличался гуманным отношением к побежденному неприятелю.

Нельсон, по его же признанию, ненавидел русских, но хорошо понимал, что без их помощи ему не обойтись, и всячески пытался использовать российскую эскадру в

интересах Англии. Вместе с тем он по-прежнему пытался отвлечь ее от Ионических островов, чтобы утвердить в этом стратегическом районе английское влияние. Ушаков отлично понимал суть этих происков и твердо противостоял им.

Так и вели они, «союзные» адмиралы, скрытую борьбу, прикрываясь заверениями в дружбе и уважении.

23 августа в просторном адмиральском салоне «Фудройане» состоялось их первое военное совещание, посвященное совместным действиям эскадр. Потом их будет несколько. Русский адмирал, имея на руках соответствующие инструкции из Петербурга, предложил вместе идти к Мальте, чтобы взять крепость Ла-Валетта, уже давно безрезультатно блокированную англичанами. Нельсон же, не желая, чтобы и там взвился флаг России, противился появлению у берегов Мальты русской эскадры.

Два дня спустя «Св. Павла» посетил Фердинанд IV. Как и в своих письмах, он настаивал на том, чтобы российская эскадра шла в Неаполитанский залив. Он по-прежнему боялся французов и республиканцев. Кроме того, монарх полагал, и не без оснований, что без русских порядок в разбушевавшейся столице ему не установить.

Ушаков согласился следовать в Неаполь, намереваясь оттуда направить десантный отряд для освобождения Рима совместно с союзными войсками.

На принятие такого решения повлияло непредвиденное обстоятельство: взбунтовались турки. Находившиеся сверх обыкновения долгое время в море, не привыкшие к порядку и дисциплине, лишены возможности грабить захваченные города и купеческие суда в море, они были озлоблены. Последним поводом для взрыва явился решительный отпор, данный местными жителями их попытке учинить разбой в окрестностях Палермо. В разыгравшемся побоище 14 турок было убито, 53 доставлены на суда ранеными, до сорока человек пропали без вести.

Разъяренные галионджи потребовали немедленного возвращения домой, грозя в противном случае выбросить за борт своих командиров. Но и сами офицеры были не против возвратиться в Стамбул: поход им тоже ничего не давал.

Перепуганный Кадыр-бей стал умолять главнокомандующего усмирить его команды. Ушаков тут же направился на турецкий флагманский корабль. Галионджи боялись Ушак-пашу, и порядок был быстро восстановлен. Однако Ушаков понимал, что это ненадолго, что лишается не очень надежного союзника. Понимал и турецкий адмирал, что удержать свою эскадру у берегов Италии не удастся, но за самовольный уход он мог лишиться головы. Поэтому на следующий день Кадыр-бей обратился к Федору Федоровичу с просьбой выдать ему оправдательный документ. Главнокомандующий подготовил соответствующее письмо для незадачливого адмирала. И хотя роль турецкого флота в экспедиции не была значительной, все же взаимодействие с ней было полезным. Это положительно сказалось на ходе кампании. Адмиралы действовали в тесном контакте и согласии. Кадыр-бей охотно подчинялся во всем главнокомандующему объединенной эскадрой, считая его своим учителем, а Ушаков относился к нему с доверием.

Ранним утром 1 сентября 1799 года один из турецких кораблей снялся с якоря и направился в открытое море. За ним, становясь под паруса, последовали остальные суда. Замыкал бегство корабль Кадыр-бея...

Эскадра Ушакова прибыла в Неаполитанскую бухту 8 сентября. Перед тем, 28 августа, А. В. Суворов, неожиданно получив предписание Павла I, покинул освобожденную им Северную Италию и повел своих чудо-богатырей в Швейцарию через Альпы, покрытые снегом. На это неоправданное решение император пошел под влиянием союзников России. Австрия стремилась, воспользовавшись плодами суворовских побед, укрепить свое

господство в Северной Италии и поэтому пыталась под любым предлогом вытеснить оттуда русские войска. Англия же боялась усиления российского влияния на Средиземноморском театре.

Армия Суворова находилась еще в пути, когда эрцгерцог Карл, командовавший австрийской армией в Швейцарии, с которой должен был соединиться Суворов, увел свои потрепанные войска, оголив двухсотверстный фронт, оставив русский корпус А. М. Римского-Корсакова перед противником, вдвое превосходившим его по силам. Французы нанесли ему тяжелое поражение, и он вынужден был отступить за Рейн.

С прибытием к месту назначения в тяжелое положение попала и 20-тысячная армия Суворова: была зажата со всех сторон французскими войсками, насчитывавшими 80 тысяч человек. И все же фельдмаршал со своими чудо-богатырями сумел вырваться из окружения — вывел свою прославленную армию через труднодоступные хребты Глариса и Паникса к Верхнему Рейну.

Эскадра Ушакова и после ухода из Италии армии Суворова продолжала действовать у берегов Апеннинского полуострова.

В Неаполе адмирал готовил экспедицию для похода на Рим, сформировав отряд своих морских гренадеров и моряков из корабельных команд численностью более 800 человек во главе с подполковником Скипорой и лейтенантом Балабиным.

В сентябре десантный отряд двинулся к итальянской столице. Узнав о приближении к городу русских и итальянских войск, французский гарнизон капитулировал. 19 сентября 1799 года впервые в истории древнего Рима на его улицах появились колонны русских моряков с развевающимися знаменами. Это событие лейтенант Петр Балабин так описал в донесении командиру: «Вчерашнего числа с малым нашим корпусом вошли мы в город Рим. Восторг, с каким нас встретили жители, делает ве-

личайшую честь и славу россиянам. От самых ворот св. Иоанна до солдатских квартир обе стороны улиц были усеяны обывателями обоего пола. Даже с трудом могли проходить наши войска... «Вот, — говорили жители, — вот те, кои бьют французов и коих они боятся! Вот наши избавители!..» Я приметил, что на всех лицах было написано искреннее удовольствие»⁶⁷.

Русскому отряду римляне были так рады еще и потому, что видели в нем защиту от «армии веры» кардинала Руффо, пытавшей ее и в Риме учинить разбой. Русские моряки спасли город от ужасов насилия, грабежей, убийств. Пока они находились там, население было в безопасности, в Риме царил порядок.

С честью выполнив свою задачу, отряд вскоре возвратился на эскадру.

Восьмитысячный австрийский корпус двинулся к Анконе, осажденной десантом капитана 2 ранга А. А. Сорокина и отрядами местных ополченцев. Более чем за два месяца осады, под непрерывным обстрелом батареи, установленной на берегу, и фрегатов крепость была сильно ослаблена. Близилась развязка. И в это время австрийцы снова пошли на предательство. Когда изнеможенный гарнизон уже был готов спустить флаг, они, вместо того чтобы совместно с русскими предпринять решительный штурм, за спиной у своих союзников подписали сепаратный договор о капитуляции крепости. Французы были выпущены из крепости со всем своим оружием и имуществом, а над ней появился лишь австрийский флаг.

В конце октября Нельсон неожиданно предложил Ушакову принять участие в освобождении Мальты. Стало ясно, английский адмирал, прежде так настойчиво отвергавший помощь русской эскадры, теперь потерял всякую надежду взять крепость Ла-Валетта своими силами.

Ушаков откликнулся и начал подготовку к походу.

---

⁶⁷ Ф. Ф. Ушаков [Документы]. Т. 3. С. 185.

Вскоре эскадра, насчитывавшая семь линейных кораблей, фрегат и восемь малых военных судов, покинула Неаполь. Однако в пути к Мальте произошло неожиданное: 22 декабря, когда эскадра зашла в порт Мессину, адмирал получил пакет с указом императора, предписывавшим флоту немедленно возвратиться в Черное море.

Была отозвана в Россию и армия А. В. Суворова.

Эти решения были приняты в результате вероломных действий Австрии в Италии и Швейцарии, а также разногласий между союзниками в устройстве будущего Италии.

Поход к Мальте не состоялся, эскадра взяла курс на Корфу.

А через несколько месяцев, в июне 1800 года, Наполеон Бонапарт, уже император Франции, в сражении у селения Маренго, в Северной Италии, снова разобьет австрийские войска и затем опять захватит почти всю Италию...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

8 января 1800 года основные силы эскадры Ушакова прибыли в порт Корфу, который служил опорной базой российского флота в Средиземном море, и снова население Ионических островов радушно встречало русских моряков— своих освободителей и защитников.

Полгода ушло на ремонт кораблей и сбор отрядов, действовавших в разных районах Средиземноморья. В июле жители архипелага с почестями провожали российскую эскадру, которая под предводительством выдающегося флотоводца завершила свою миссию. Сенат Республики Семи Соединенных Островов, провозгласивший Ф. Ф. Ушакова «освободителем и отцом своим», наградил адмирала богатой, украшенной алмазами шпагой. На острове Кефаллония в честь Ушакова выбили золотую медаль. На лицевой стороне ее был изображен адмирал с надписью: «Знаменитый почитаемый Федор Ушаков, главный русский флотоводец. 1800 г.», а на оборотной— его эскадра. Жители острова Итака, который, по преданию, является родиной легендарного Одиссея, тоже изготовили медаль, на которой флотоводец был изображен в образе Одиссея, а зантийцы вручили ему серебряный с позолотой щит. И все эти знаки глубокой благодарности

сопровождались теплыми надписями. Спасителями и освободителями остались в памяти признательных жителей Ионического архипелага выдающийся русский адмирал и его славные моряки.

6 июля 1800 года эскадра покинула Корфу и взяла курс к Дарданеллам.

В кильватере флагманского «Св. Павла» шел линейный корабль «Св. Петр». Командовал им капитан 1 ранга Дмитрий Николаевич Сенявин, которого Ушаков считал наиболее талантливым из своих учеников. Покидая Средиземное море, этот боевой офицер вряд ли мог предположить, что через несколько лет, в январе 1806 года, он снова придет к Корфу. Придет уже в чине вице-адмирала, как главнокомандующий русскими морскими и сухопутными силами на Средиземноморье, возглавляющий третью экспедицию российского флота в этот район. И прибудет уже не из Севастополя, а из Кронштадта.

Первое время его мощная эскадра, насчитывавшая около 40 вымпелов и почти 13 тысяч сухопутных войск, будет прикрывать Ионические острова и берега Адриатического моря от французского флота. Позже, с декабря 1806 года, когда Турция объявит войну России, главные свои усилия она сосредоточит в районе Эгейского моря. Овладев островом и крепостью Тенедос у входа в Дарданеллы, Сенявин блокирует пролив и дважды в морских сражениях одержит победу над превосходящими силами турецкого флота...

31 августа эскадру Ф. Ф. Ушакова торжественно встречал Константинополь. Султан отметил боевые заслуги русского адмирала вторым членгом — высшей наградой Порты и пятью медными полевыми пушками, которые были вручены еще два года назад и не раз находились с десантами в деле.

Вечером 26 октября 1800 года ушаковская эскадра, салютуя, вошла в Севастопольскую бухту. Победоносная Средиземноморская кампания Черноморского флота,

длившаяся два с лишним года, завершилась. Ушаков привел к родным берегам эскадру, овеянную славой, не потеряв ни одного корабля. Урон среди личного состава составил 400 человек, в то время как французы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 10 тысяч.

Средиземноморской поход черноморцев под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова — одна из самых замечательных страниц истории отечественного флота.

В этой выдающейся экспедиции с блеском проявился яркий флотоводческий талант Федора Федоровича Ушакова. Находясь далеко за пределами своей страны, почти в полном отрыве от нее, он уверенно, с удивительным блеском управлял силами объединенной эскадры, действовавшими в различных районах обширного морского театра. Его замыслы и их осуществление явились значительным вкладом в дальнейшее развитие военно-морского искусства, обогатившегося опытом автономной деятельности эскадры, штурма крепостей с моря, взаимодействия кораблей и десантных войск, армии и флота. Адмирал, как и фельдмаршал Суворов, умел побеждать врага меньшими силами и с малыми потерями. Он явился основоположником блистательной школы русских флотоводцев, которую прошли затем Д. Н. Сенявин, М. П. Лазарев, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов.

Военный талант Ушакова удачно дополнялся незаурядными административными и дипломатическими способностями, позволявшими ему самостоятельно и со знанием дела решать нелегкие задачи и проблемы в сложной обстановке происков и скрытного противодействия союзников — англичан, австрийцев, турок.

Дальнейшая судьба выдающегося флотоводца сложилась не столь удачно. Его замечательные боевые победы и огромные заслуги перед Россией и ее флотом не получили должного признания у царствующего двора. Более того, при новом императоре, Александре I и его окружении Федор Федорович, как и другие передовые военные

деятели, оказался в опале. Он был отозван в Петербург и назначен главным командиром уже отжившего Балтийского гребного флота и начальником флотских команд в столице.

Глубоко обиженный, тяжело переживавший запустение и разложение флота, Ушаков в конце 1806 года подает прошение об увольнении со службы. 17 января 1807 года он получает отставку.

Во время Отечественной войны 1812 года отставного адмирала избирают начальником тамбовского народного ополчения, но в ту пору он уже был тяжело болен. Оставаясь верным заботе о простых людях, Федор Федорович жертвует в фонд лечения раненых и больных воинов и в помощь пострадавшим в войне свои сбережения. Передал он также для нужд борьбы с врагом бриллиантовый челепг и пушки, подаренные турецким султаном.

Умер Федор Федорович Ушаков в конце сентября 1817 года, похоронили его 2 октября в Санаксарском монастыре, неподалеку от его деревеньки Алексеевки Темниковского уезда. На могиле адмирала установлен памятник — мраморная колонна. На ней выбиты слова: «Здесь покоится прах его высокопревосходительства и высокопочтенного боярина флота адмирала и разных российских и заграничных орденов кавалера Федора Федоровича Ушакова, скончавшегося 1817 года сентября на 74 году от рождения»⁶⁸.

Имя выдающегося русского флотоводца глубоко чтимо в нашей стране. В 1944 году Президиумом Верховного Совета СССР были учреждены военный орден Ушакова I и II степени и медаль Ушакова, которыми награждаются военные моряки за боевые заслуги. Его имя носит один из крупных кораблей Военно-Морского Флота.

---

⁶⁸ Питерской Н., Чернов Ю. Страницы морской славы. М., 1971. С. 45.

Боевая слава Черноморского флота, родившаяся в победоносных сражениях, проведенных Ф. Ф. Ушаковым, приумножалась новыми поколениями русских и советских военных моряков. А в водах Средиземного моря, где двести лет назад плавала ушаковская эскадра, ныне советские корабли несут боевую вахту мира и безопасности социалистической Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
«Эскадре быть под парусами!»	3
Курс на Константинополь	11
Навстречу славной победе	24
У стен Корфу	50
Корабли штурмуют бастионы	67
Республика Семи Соединенных Островов	84
У берегов Италии	89
Возвращение	103

Гармаш Петр Егорович

ШТУРМ КОРФУ

Художник А. П. Станолевич
Художественный редактор Е. В. Поляков
Технический редактор С. В. Мазаева
Корректор Е. А. Гороховатская

ИБ № 3775

Сдано в набор 25.07.89 г. Подписано в печать 01.12.89 г. Г-25542.
Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 3½. Усл. печ. л. 4,9 + 1 вкл. — ¼ печ. л. —
0,35 усл. печ. л. Усл. кр.-отг. 5,77. Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 25 000 экз.
Изд. № 2/4451. Зак. 828. Цена 30 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

В 1989 г. в Военном издательстве вышли следующие военно-исторические книги:

Битва под Москвой

Ростунов И. И. Суворов

Владимирский А. В. На киевском направлении

Румянцев Н. М. Герои Халхин-Гола

Вайнер Б. А. Советский морской транспорт в Великой Отечественной войне

Скрыльник А. И. Генерал армии А. А. Епишев

Кочетков А. Д. Двинский танковый

Попов С. Е. На огневых рубежах

Погребной С. А. Лавиной стали и огня

Хоробрых А. М. Главный маршал авиации А. А. Новиков

Бузукашвили М. И. Ермак

Масленников П. В., Карцев К. Е., Сагайдак П. Т. Жертвуя собой

Качур П. В., Никольский В. В. Под знаменем сивашцев

Деникин А. И. Поход на Москву

Воронин К. И. На черноморских фарватерах

В 1990 г. Военное издательство планирует выпустить следующие военно-исторические книги:

Семиряга М. И. Непокоренная Европа

Дегтярев П. А., Ионов П. П. «Катюши» на поле боя

Петров Б. Н., Зверев Б. И., Дайнес В. О. Битва за Ленинград

Давтян С. М. Пятая воздушная

Антосяк А. В. Освобождение Румынии

Бегунов С. Ф. На защите Родины

Громов И. И., Пигунов В. Н. Четвертый воздушно-десантный

Терехов А. Ф., Скирдо М. П., Миронов А. К. Гвардейская Таманская

Балязин В. Н. Фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли

Книги Военного издательства можно приобрести в магазинах и киосках «Военная книга», а также по почте наложенным платежом, направив заказ ближайшему отделу «Военная книга — почтой» по одному из перечисленных адресов:

- 480091, Алма-Ата, ул. Кирова, 124
- 690000, Владивосток, ул. Ленинская, 18
- 252133, Киев, бульвар Леси Украинки, 22
- 443099, Куйбышев, ул. Куйбышевская, 91
- 191186, Ленинград, Невский проспект, 20
- 290035, Львов, ул. Белоцерковская, 2а
- 220029, Минск, ул. Куйбышева, 10
- 113114, Москва, Даниловская набережная, 4а
- 630076, Новосибирск, ул. Гоголя, 4
- 270009, Одесса, ул. Перекопской дивизии, 16/6
- 226001, Рига, ул. Ленина, 88
- 344018, Ростов-на-Дону, Буденновский проспект, 76
- 620062, Свердловск, ул. Ленина, 101
- 700077, Ташкент, Луначарское шоссе, 61
- 380007, Тбилиси, площадь Ленина, 4
- 720001, Фрунзе, ул. Киевская, 114
- 680038, Хабаровск, ул. Серышева, 42
- 672000, Чита, ул. Ленина, 111а

30 к.

